

СЕРГЕЙ РАТКЕВИЧ

ЛЕКАРСТВО
ОТ СМЕРТИ

Сергей Раткевич

Лекарство от смерти

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43157238
ISBN 975-5-699-36843-3

Аннотация

Лекарства от смерти, конечно, не существует, но подарить человеку вторую жизнь, сделав его молодым и сохранив при этом память о прошлом, вполне возможно. Так говорил Учитель, вернее, тот, кто невольно стал учителем Кертелина, когда-то мага-недоучки, когда-то нищего старика-калеки, а теперь молодого волшебника. Однако дар, который вместе со знаниями передал учитель Кертелину, совсем не делает его новую жизнь спокойной и радостной. Слишком многим в Гаэрте хотелось бы овладеть его необычным волшебством, и нет преград, которые остановили бы их в охоте на мага. Противостоять врагам ему еще только предстоит научиться, так же как и найти друзей, готовых встать рядом в трудную минуту.

Сергей Раткевич

Лекарство от смерти

В Танурге всегда тепло. Это здесь, в Гаэрте, скоро пойдут дожди. А затем и снег. Холодно. Но в Танургу ты больше не попадешь. Далеко до Танурги. Так что придется умирать здесь. В холоде и сырости. А потом и просто в снегу. Говорят, замерзать не больно. Говорят, даже приятно. Ты не хочешь замерзать, даже если это приятно. Ты хочешь уснуть под ярким солнышком, среди зелени и поющих птиц. Уснуть и не проснуться.

Хорошо бы умереть до первых холодов...

Чья-то рука хватается за плечо.

Чей-то вскрик, протяжный, разочарованный, слегка похожий на птичий. Станный... Это кричит человек? Или все-таки птица? Впрочем, какая тебе разница? Ты давно уже никого не боишься. И тебе нет дела ни до людей, ни до птиц. Хотя, если они забавны... если они могут хоть на миг скрасить твое одиночество, что порой наваливается могильной плитой, если им не противен твой вид, если они не считают для себя унижением наклониться к нищему старику...

– Проклятье, мне нужен был мальчишка! – восклицает потревоживший тебя человек.

– Ну, по крайней мере тебе попалась не девчонка, можешь быть в этом совершенно уверен! – Ехидный смех старого ни-

щего сотряс его худое, изможденное, едва прикрытое тряпьем тело.

Два старика смотрели друг на друга. Одному из них было все равно. Он знал, что ему уже недолго осталось. Лицо другого исказилось отчаяньем.

– Но как же так... мне показалось... – Незнакомец, чей голос порой странно отдавал чем-то птичьим, диковинный незнакомец, жалко дрожа, кренился куда-то в сторону, словно норовил промахнуться мимо этого мира или вывалиться наружу. – Мне показалось, что... – Он не закончил фразу, словно всему миру и без того должно было быть ясно, что именно ему показалось.

Впрочем, старый нищий понял его без труда. Было бы чего понимать-то.

– Это душа у меня молодая, – подмигнул нищий, – а тело... старьевщик и тот брать отказался. Ничего из тебя путевого, говорит, не выйдет. Тебя, говорит, даже смерти не продашь, потому как она в курсе, что очень скоро задарма заполучит... А тебе чего было нужно?

– Мне от мальчишки было нужно... – пробормотал второй старик, озираясь по сторонам. – Ты здесь ни одного поблизости не видел?

– Ночь же давно, – фыркнул старый нищий. – Даже бродяжки разбрелись кто куда. Разве что воришка какой найдется. Но его еще и поймать надо. Вряд ли ты с этим... – Он повнимательней оглядел странного незнакомца и удивленно

охнул: – Боги и демоны! Кто это тебя так?

Свежие следы пыток, как с применением магии, так и без оной... лицо, шея, кисти рук... под одеждой, верно, то же самое будет...

– Добрые люди, – пробурчал незнакомец, продолжая взглядом обшаривать окрестности. – Пусто, – горестно пробормотал он наконец. – Никого моложе тебя поблизости нет, а я не знаю, хватит ли у меня сил...

– Так посиди, отдохни, – радушно предложил нищий. – Здесь, на земле, довольно просторно, знаешь ли, мне даже подвигаться не придется... присаживайся!

Незнакомец внимательнее взгляделся в нищего.

– Я и правда не знаю, но... придется попробовать.

– Что тебе придется попробовать?

– Я должен успеть умереть.

– Успеть умереть? – удивился нищий. – А ты торопишься?

– Если они еще раз до меня доберутся... – неразборчиво пробормотал незнакомец.

– Да кто они? – спросил нищий. Не то чтобы ему было так уж интересно, но... надо же о чем-то спросить? Для поддержания разговора.

– Ваши маги, – пояснил незнакомец.

– Наши? – переспросил нищий. То, как незнакомец это сказал...

– Неважно, – ответил незнакомец, что-то доставая из кармана. – Я должен попытаться. Другого выхода нет.

– Эй, ты чего это? – насторожился нищий, отодвигаясь от незнакомца.

– Ничего, – коротко выдохнул тот, замахиваясь кулаком, в котором что-то было. – Прости. Так вышло...

«Вот и скрасил одиночество, старый дурак!» – мелькнуло у нищего.

Он попытался вскочить, но было поздно.

Что-то маленькое, мерцающее красноватым светом вылетело из ладони незнакомца и ударило нищего в грудь.

Он вздрогнул и начал падать, заваливаясь навзничь.

Мелькнуло удивленное лицо какого-то мальчишки. Странно знакомое и в то же время незнакомое вовсе.

– Шалмажин, дай мне крошку удачи! – услышал он пронзительный, какой-то не вполне человеческий то ли крик, то ли плач... и наступила тьма. Тьма, в которой ничего не было.

* * *

Солнышко. Сейчас он откроет глаза, вскочит и с радостным криком выбежит во двор. Папа с мамой уже наверняка встали. Как-то так получается, что они всегда просыпаются раньше. Сколько он ни старался, но встать раньше папы с мамой никак не выходит... а ведь если бы он успел... он бы тогда – ух!

– Получилось! – услышал он странный, рвущий душу голос рядом с собой.

И очень удивился. Рядом с ним просто не могло оказаться никого с таким голосом. Он никого такого не знает. Так кто же это? Открыть глаза сразу или попробовать угадать? Лучше сначала попробовать угадать. Так интереснее.

– Я тебя еще не вижу, – начал он, – но...

– Главное, что я тебя вижу, – последовал ответ. – Признаться, я и не надеялся...

– Ты глупый, – огорчился он. – Ну давай сначала поиграем? Я, не открывая глаз, постараюсь угадать, кто ты, а ты будешь...

– Все равно не угадаешь, – промолвил голос. – Твои воспоминания сейчас прокручиваются где-то с пятилетнего возраста, так что ты...

Его разобрал смех. Этот дядька, мало того что он взрослый, так он еще и совсем глупый. Взрослые часто ничего не понимают, но не до такой же степени! Надо будет маму с папой предупредить, а то ведь они не знают, что он такой глупый, могут решить, что умный, а он еще натворит чего, если за ним не присматривать!

– А с какого возраста у меня могут быть воспоминания, если мне и есть пять лет?! – со смехом спросил он и все-таки открыл глаза.

На него глядел сморщенный изможденный старик, весь покрытый гноящимися язвами и кровоточащими ранами.

– Ой! – испуганно выдохнул он, стараясь отодвинуться.

– Ты меня не помнишь? – спросил страшный старик, жад-

но глядя ему в глаза.

– Нет! – еще более испуганно ответил он, думая, что лицо старика, никогда ранее не виденного старика, все-таки кажется ему смутно знакомым. Чем дальше, тем больше знакомым... но он же никогда такого не видел... правда, не видел... если бы он такого увидел, он бы сразу убежал... он и сейчас изловчится, вскочит и убежит... и позовет папу с мамой!

А потом он закричал, закричал от ужаса и отчаяния, потому что внезапно вспомнил все. Все, что с ним было. И то, что ему давно уже не пять лет. И то, что его родители уж много лет как умерли и он никогда, никогда не сможет поиграть с ними! Увидеть их. Сказать им, что он их любит. Мгновение назад они были, а теперь их уже не стало. Не стало оглушительно и навсегда. С той безжалостной несомненностью, с какою порой захлопывают перед голодным попрошайкой двери богатых домов. Ему это хорошо известно, ведь голодный попрошайка – это он и есть. А родители... это было давно. Так давно, что он почти забыл, как это было. Впрочем, и сам он вскорости последует за ними... недолго ему осталось... Все он вспомнил, все... даже этого странного старика, пристававшего к нему с более чем странными вопросами, а потом швырнувшего неведь чем, отчего он... уснул? Или...

Прожить за два вдоха всю свою жизнь – и состариться. Вспомнить своих родителей, почти услышать их голоса – и

тут же потерять в лабиринтах бесконечного времени. Ощущать себя таким живым, таким юным – и тут же вновь почувствовать, как грязь и отчаянье прожитых лет налипают на плечи. Врастают в плоть. Собираться побегать и поиграть – и внезапно сообразить, что предстоит умереть... а всего остального давно нет... давно... слишком давно... какое там побегать и поиграть! Ему даже сны об этом давно не снятся.

– Ага. Порядок! – удовлетворенно кивнул незнакомец. – А то я уж начал бояться, что твоя память не устояла...

– Порядок?! – с ненавистью сжал кулаки нищий. – Вот я сейчас убью тебя, тогда и будет порядок!

– Именно за этим я тебя сюда и привел, – кивнул незнакомец. – Ты должен убить меня, и чем скорей, тем лучше. Вот только... все не так просто.

– Что значит – «все не так просто»? – давясь рыданиями, прохрипел нищий. – Ты зачем это со мной сотворил, сволочь?! Такого ни один паскудный маг себе не позволяет! Что ты тебе сделал? Что? Гад ты проклятый! Гадина! Чтоб тебя на том свете наизнанку вывернули и на барабан натянули!

– Мне и правда повезло! – благоговейно прошептал незнакомец. – Ты ведь не можешь знать погребальных ритуалов нашего народа! Однако все делаешь правильно. Все!

Нищий замолчал и подозрительно уставился на незнакомца.

– Где это мы? – спросил он, чувствуя, что сам ответить на

этот вопрос не в силах.

Что ж, сам он мог по крайности сказать одно: где бы они ни находились, здесь был жаркий солнечный день, причем лето, а отнюдь не поздняя осень, как должно бы. И трава совсем зеленая. И кусты. И деревья. Он никогда не видел таких кустов и деревьев... да и травы... если это вообще трава...

– Я объясню это чуть позже, – ответил незнакомец. – Сначала принесу тебе свои извинения. Прости. У меня и впрямь не было выхода. Я должен был сделать с тобой то, что сделал. Я прошу у тебя прощения, хоть и понимаю, что не заслуживаю его. Но тому, кому вскорости предстоит умереть, очень нужно прощение от того, кому предстоит жить еще очень долго. Жить и помнить.

– Очень долго? – фыркнул старый нищий. – Ты это обо мне? Ты это всерьез? По моим-то расчетам, я тебя быстро догоню. И уж тогда обязательно плюх навешаю. Уж после смерти-то мне ничего не помешает!

– Прости меня еще и за это, – вздохнул незнакомец. – Если ты собирался умереть... если у тебя были какие-то планы касательно того, чтобы сделать это побыстрее, – теперь ничего не выйдет.

– Не выйдет? Почему? – удивился нищий. И вновь внимательно оглядел своего собеседника.

– Тебе, конечно, не пять лет, – ответил незнакомец. – Тебе... твоему новому телу где-то около пятнадцати. Это именно то, что мне было нужно. Прости.

Старый нищий испуганно воззрился на свои руки, потом схватился за лицо...

Незнакомец молча вытащил из-за пазухи старое зеленоватое зеркало. Нищий вцепился в него обеими руками, да так и застыл.

– Да, – после долгого молчания наконец сказал он. – Именно так выглядел тот молодой дурак, которому показалось, что любовь соседской девчонки, уважение и почет односельчан, спокойная старость родителей, счастливая жизнь до собственной старости среди детей и внуков – все это ужасно банально и невыразимо скучно... Да. Именно так и выглядел тот смазливый безмозглый дурачок, который ушел из дома и записался учеником в гильдию магов. И кончил жизнь с протянутой рукой.

– Что? Магия не впрок пошла? – поинтересовался незнакомец.

– Хуже. – Юноша опустил зеркало. – Я не прошел испытаний.

– И тебя выставили, а ты не захотел с позором домой возвращаться?

– Если бы, – вздохнул юноша. – Я же говорю, что не прошел испытания. Тому, что от меня осталось, не было смысла возвращаться... Подожди, ты что, не знаешь, как магами становятся? Откуда ж ты родом? Да еще и с такими способностями? Как *тебя* маги-то проглядели?

– Они-то как раз и не проглядели, – усмехнулся незнако-

мец. – А родом я не из этого мира и, что такое ваши маги, узнал лишь недавно и совершенно случайно. Когда они меня пытаться начали, тогда и узнал. Впечатляет. Будь я моложе, я бы попробовал с ними справиться, а так...

– Из другого мира? Тогда понятно, – пробормотал юноша. – Понятно, почему ты ничего не знаешь. Что же до всего остального... Пстой, а как я тебя вообще понимаю? – потрясенно выдохнул он. – А ты меня – как? Не может быть, чтоб в вашем мире такой же язык был, как здесь у нас. В одном только нашем королевстве – три языка, и то, что ты сразу говоришь на моем...

– Ваши маги приложили определенные усилия, чтоб я понимал здешние языки и мог на них говорить, – ответил незнакомец. – Им ведь очень хотелось узнать мой секрет...

– Какой еще секрет? – напрямик спросил юноша.

– Пойдем отсюда, – предложил незнакомец.

– Куда? – оглядываясь по сторонам, спросил юноша.

– В этом месте ночь наступает быстро, – ответил незнакомец. – А полная темнота окажется для тебя смертельной. Так что идем. Нам нужно найти укрытие и переждать до утра.

– Я все еще не знаю, могу ли я доверять тебе, – промолвил юноша, подозрительно оглядывая незнакомца.

– А больше тут доверять и некому, – хмыкнул незнакомец. – Кроме нас двоих, тут никого нет.

– Во всем мире? – удивился юноша. – Ведь я правильно догадался, ты перетащил нас обоих в какой-то другой мир?

– Это не мир. Это... – вздохнул незнакомец. – Мне трудно тебе пока объяснить. Слишком много всего нужно рассказать сразу. Это, ну... одним словом, это такое специальное место, где я могу поведать тебе Свою самую важную тайну, после чего ты будешь готов меня убить и освободиться. В конце концов, сам подумай, если б я хотел тебя убить, я мог бы сделать это прямо там.

– Есть вещи гораздо худшие, чем обычное убийство, – спокойно возразил юноша. – Иначе ты не бежал бы от наших магов. Прямо там бы и умер.

– Ты прав, – кивнул незнакомец. – Есть вещи куда более жуткие. У меня нет никаких доводов, чтобы убедить тебя. И нет сил, чтобы проделать то, что я проделал с тобой, с кем-нибудь другим...

Он показался юноше таким несчастным и жалким, что...

– Хорошо, сделаем, как ты хочешь, – согласился он, проклиная себя за доверчивость и мягкосердечие. – Пойдем, спрячемся от твоей темноты, и ты мне расскажешь...

– Все! – благодарно пообещал незнакомец. – Я расскажу тебе все!

– Это слишком много, – усмехнулся юноша. – Я не обижусь, если ты ограничишься самым главным...

– Ты не поверишь, – покачал головой незнакомец, увлекая его куда-то в глубь неведомого, окружавшего их со всех сторон, – ты не поверишь, но рассказать все и в самом деле получилось бы гораздо короче... что ж, попробуем рассказать

лишь самое главное... и все-таки успеть...

Они шли меж неведомых деревьев и никогда не виданных кустов, шли по незнакомой траве, и она шелестела под их ногами, словно бы напевая что-то.

— Красиво тут... — не удержавшись, промолвил юноша. И тотчас напомнил себе, что он ничего не знает о своем спутнике, что тот обманом завлек его в это неведомое место — и кто его знает, что еще случится. Во всяком случае, лучше помалкивать.

— Красиво, — подтвердил незнакомец. — Так и должно быть. В конце концов, это — моя жизнь, а она была не такой уж скверной, можешь мне поверить. Когда-нибудь и ты поведешь своего ученика такой же дорогой. Остается пожелать, чтоб он тоже сказал тебе что-либо подобное. В конце концов, никто не может оценить учителя так, как это делает ученик. Никому другому ведь не дано оценить всю его жизнь, рассмотреть и взвесить каждый камешек, каждую веточку.

— Так это — твоя жизнь? — пробормотал юноша, не зная, о чем спрашивать раньше и как вообще относиться к тому, что его назвали учеником.

— Это моя жизнь, — подтвердил незнакомец. — У тебя будет время рассмотреть ее всю. Завтрашний рассвет обещает быть долгим. Идем!

Деревья расступились, и незнакомец с юношей вышли на поляну. На поляне высился могучий красновато-серый камень.

– Подходящее место, – довольно проговорил незнакомец. Замер на миг, застыл неподвижно, словно и сам обратился в камень, а потом что-то маленькое вновь вылетело из его руки, ударилось о камень и исчезло.

Камень дрогнул, словно бы привставая, потом раздался вширь и...

Юноша потрясенно охнул.

– Прошу! – промолвил незнакомец, открывая дверь уютного приземистого дома.

– Ты перетащил меня в другой мир! – Юноша ошалело таращился на деревянную дверь, деревянные стены, изящно сплетенную соломенную кровлю и закрытые деревянными ставнями окна. – Ты вернул мне молодость, а на это способны лишь высокие лорды или сам Владыка Зари! Ты из обыкновенного камня сделал деревянный дом! Деревянный, не каменный!

– В каменных бывает сыро, – ответил незнакомец. – А что?

– Ты назвал меня своим учеником! – почти прокричал юноша.

– Да, – ответил незнакомец. – Назвал. Пошли в дом. Ночь скоро. Здешняя темнота пока еще ядовита для тебя. Я назвал тебя учеником не для того, чтоб ты умер. Умереть предстоит мне, и у меня нет планов уступать тебе свое место.

Он шагнул внутрь. Ошеломленный юноша поспешил следом. Дверь захлопнулась.

— ...вот так меня ваши маги и взяли. Нашли способ проникнуть в наш мир... я как раз собирался умереть и передать знание своему ученику... Оно только так и передается, от учителя к ученику, перед смертью, мало кому удастся передать знание двум-трем ученикам... редкая и драгоценная способность расслаивать свой дар, делиться сразу со многими...

— В вашем мире так мало магов? — удивился юноша.

— Верно понимаешь... немного. Магам ведь случается и гибнуть, и умирать преждевременно, не успев обзавестись учеником, или умереть где-то вдали от своего ученика... Магов немного, а теперь стало еще меньше. Я не успел передать знание. Не успел. Мой ученик его не получит. Не станет магом. Того, что у меня было, — в нашем мире уже не будет. А в вашем... Я не собираюсь передавать свое знание вашим магам. В дурных руках оно может быть чрезвычайно опасно. Но я не могу умереть, не передав знание хоть кому-нибудь! Смерть не примет меня. Я просто вынужден был искать и найти хоть кого-то. Когда мне удалось сбежать... я искал кого-нибудь молодого, я не знаю, почему наткнулся на тебя... но раз так вышло...

— Да почем ты знаешь, кто я такой? Может, я в сто раз хуже всех этих магов, что так тебе не понравились! В конце

концов, я тоже хотел стать магом! И если бы стал... охотился бы сейчас за тобой!

– У меня небольшой выбор, – с горькой усмешкой отозвался маг. – Передать свое знание тебе и умереть. Или дожидаться, когда меня поймают ваши маги. И все равно убьют. Убьют, замучают и получают знание после моей смерти так или иначе. Я не знаю, кто ты такой, но уже знаю, кто такие они. Мне остается надеяться, что ты хоть немножко лучше.

– А уйти обратно в свой мир ты не можешь? – спросил юноша.

– Мне предстоит умереть, причем в самое ближайшее время, я же говорил тебе, – сказал маг. – У меня просто не хватит сил... Увы, отыскать более подходящего кандидата я тоже не смогу. Это здесь время стоит, а там... там, снаружи, меня бы уже схватили подоспевшие маги. Не так уж далеко я от них убежал... Одним словом, смирись. Тебе все-таки предстоит стать магом. Правда, не совсем таким, каким тебе когда-то хотелось, но тут уж ничего не поделаешь. Кстати, это мне показалось или большинство ваших магов и впрямь чем-то больны?

– Скорей уж отравлены, – ответил юноша. – Эликсиры, поддерживающие магические силы на должном уровне, довольно ядовиты, а противоядия дороги в изготовлении, их хватает не всегда и не на всех. Развить же в себе достаточную мощь, чтоб обойтись без эликсиров, удастся единицам. Они-то и становятся великими...

– Ты говорил об испытании, которое не сумел пройти. Это оно?

– Я на всю жизнь подорвал себе здоровье, но так ничего толком и не достиг. Только самое начало было впечатляющим... когда с твоих пальцев впервые срывается огненный шар... пусть бледный, призрачный и какой-то кривобокий... это было потрясающее ощущение... я до сих пор его помню... столько лет прошло, а я все еще... кто ж мог знать, что это все – обман? Нас поили специальным эликсиром... Тех, с кем не происходило ничего, – уводили сразу, тех, кому от этого эликсира становилось плохо, – уводили потом. Мы им еще сочувствовали... смеялись над ними... кто как, одним словом... С остальными начинали происходить чудеса. Огненные шары, молнии, парение над землей... как мы радовались... мы не знали, что это как раз и означает, что мы никуда не годимся... Лишь некоторым удалось остаться на низшей ступени. Я в их число не попал. Уже потом я встретил одного из тех, кому стало плохо. В плаще мага. Он меня не узнал, а я не стал подходить. Нас разделяло... всё.

– Понятно, – вздохнул маг из другого мира. – Ладно. В данном случае это, конечно, формальность, но я все-таки должен тебя спросить: *Юноша, ты берешь меня в учителя?*

– Юноша... как странно это звучит, – пробормотал бывший нищий старик. – Так непривычно... Я беру тебя в учителя, если ты берешь меня в ученики. Наверное, я глупо ответил, учитель, но и ты спросил не умнее. Это ученик дол-

жен проситься, чтоб его взяли, а не учитель.

– Далеко не каждый захочет стать учеником мага, – возразил маг из другого мира. – Я спросил так, как принято у нас.

– А то, что ты меня эдак, без спроса, похитил и, можно сказать, принудил, это у вас принято? – поинтересовался юноша. – Или учитель именно в такой форме обычно своего ученика и просит? Сначала отрезает все пути к отступлению, а потом обращается с формальной просьбой, зная, что ему не откажут, не смогут отказать, зная, что у его ученика просто нет другого выхода?

– То, что я с тобой проделал, – в нашем мире тягчайшее преступление для мага. Но лучше уж я умру преступником, чем отдам свое знание другим преступникам. А теперь, ученик, назови мне свое имя...

– Кертелин, – промолвил юноша. – А по-простому Крэлин. Ты можешь звать меня как захочешь, учитель. А как мне называть тебя?

– Алайшер, – ответил маг.

– Алайшер, – повторил ученик.

– Крэлин, – сказал маг.

– Да, учитель?

– А почему ты сказал, что высокие лорды способны вернуть молодость?

– Высокие лорды – истинные маги и властители. Их немного.

– Они не нуждаются в эликсирах? – спросил Алайшер.

– Они ни в чем не нуждаются, – ответил Крэллин. – Они берут что захотят и живут не меньше тысячи лет. Любая магия им подвластна.

– Они – Боги? – спросил учитель.

– Нет, – ответил юноша. – Говорят, их можно убить. Некоторым магам это удавалось. Правда, и магов потом убивали. Никто не смеет поднимать руку на высокого лорда.

– Понятно.

* * *

– Сначала я научу тебя видеть руны...

– Вообще-то я грамотный...

– А я и не собирался учить тебя читать. Я собираюсь научить тебя видеть руны. Во всем. В каждом предмете и месте, в каждом явлении или живом существе.

– Не понял.

– Сейчас поймешь. Это нетрудно. Видишь ли, все сущее в этом мире на самом деле состоит из движения. То, что мы считаем телами, на самом деле является движением различного рода. Различного рода и с различной скоростью. Форма каждого отдельного движения обычно неизменна. Вот эту самую форму мы и называем рунами. Она является сутью и основой рунной магии. Думаю, лучше сразу показать тебе это. Тогда тебе не придется верить мне на слово.

Руки учителя ложатся на затылок. Мир слегка меркнет,

потом возвращается с новой силой, и ты вдруг начинаешь видеть. Ты видишь такое, что...

– Ой... – тихо произносишь ты, ошеломленный увиденным, почти напуганный. – Ой, мама...

Текущее движение окружает тебя со всех сторон. Текущее движение, сплетаясь в причудливые клубки, спирали, столбы и прочее, чему сразу не подобрать названия, образует из себя сущее. Текущее движение – это и есть мир.

– Мир не состоит из движения, – охрипшим от волнения голосом говоришь ты. – Все куда проще... движение – это и есть мир!

– Я рад, что ты понял, – улыбается учитель. – Я всего лишь пытался объяснить, как проще, но ты с самого начала – сам! – понял правильно. Что ж, тем легче тебе будет постичь все остальное.

Текущее движение обнимает тебя, текущее движение приглашает тебя на танец, ты сам – текущее движение и часть этого мира.

– А наши мысли, они – тоже?

– Конечно.

– И чувства?

– Само собой... просто их сложнее увидеть.

* * *

– Но если истинные маги являются вашими лордами, если

они правят вами и владеют всеми теми силами, о которых ты говоришь, то как так вышло, что они допустили существование тех, кто пользуется эликсирами? — спрашивает учитель.

— Говорят, потому что не захотели умирать, — отвечаешь ты. — А воевать — хотели. Это давно было. Сейчас уже никто точно не знает, как именно. Письменные источники того времени ненадежны. Вроде бы кто-то из высоких лордов придумал эликсиры, создал магов и заставил их воевать вместо себя. Маги почти все погибли, но ослабили противников того лорда. Он сумел победить их. Тогда и другие лорды стали создавать магов. Вскоре боевые магические ордена заполнили мир. Маги надеялись стать такими, как высокие лорды. Они старательно искали эликсир бессмертия, а высокие лорды использовали их в войнах друг против друга. Наконец магические ордена стали столь сильными, что они бросили вызов своим повелителям. Почти в любом государстве было время, когда обычные маги, маги эликсиров, сражались с истинными магами, магами крови. Высокие лорды, разумеется, победили. Теперь магов остерегаются, но никто даже и не думает от них избавляться. От них довольно многое зависит.

* * *

— Объяснить, что такое рунный нож, я не в состоянии, — говорит учитель. — Но я могу дать тебе его.

Нечто незримое ложится в твою руку. Оно с тобой, пока

ты этого хочешь. Оно исчезает, когда ты перестаешь в нем нуждаться. Ты учишься отпускать и звать его. Совсем недолго учишься. Это так просто... такое ощущение, что этот нож всегда у тебя был. Просто ты позабыл об этом... а теперь вспомнил.

Происходящее с тобой кажется столь простым и естественным, что это даже странно. Это больше похоже на сон, чем на обучение магии.

– А она... эта магия... она снаружи тоже будет работать? – недоверчиво спрашиваешь ты.

– А какой бы в ней иначе был смысл? – удивляется твой учитель.

Ты учишься делать заготовки для рун. Из дерева. Из камня. Из воды и воздуха. Из воздуха получается лучше всего. А вот огонь...

– Огонь – один из самых трудных материалов, – говорит учитель. – Сильнее огня лишь пустота и мысль.

Ты обжигаешь пальцы, но все же тебе удастся кое-как слепить огненную заготовку для руны.

– Не торопись, – говорит учитель. – Одного знания мало. Требуется еще и практика. Через год-другой...

Ты соглашаешься и лепишь еще одну огненную заготовку. Учитель качает головой, но не запрещает. Вместо этого он объясняет наконец, как действует рунная магия.

– Нужно увидеть руны того, на что ты собираешься воздействовать, а потом вырезать ее же, но с теми изменениями,

которые ты желаешь произвести.

– То есть, если я захочу, допустим, чтоб листья этого дерева стали синими... – ты наугад тычешь в первое попавшееся дерево.

– Ты должен увидеть это дерево как руну, – кивает учитель. – Потом на заготовке рунным ножом вырезать эту же руну, изменив те части рунной вязи, которые отвечают за цвет листы. Причем изменить нужным тебе образом, чтоб получился именно синий цвет требуемого тебе оттенка.

– А как это сделать? – спрашиваешь ты. – Как я могу заранее знать, что именно потребуется менять?

– На этот вопрос я не знаю ответа, – качает головой учитель. – Я могу тебе только показать.

И показывает. Долго. До тех пор, пока ты не начинаешь принимать правильные решения всякий раз, как только это от тебя требуется. Принимать, не думая. Потому что думать тут все равно не над чем. Что ж, теперь ты понимаешь, почему учитель не стал объяснять, почему не смог объяснить тебе... просто это знание не желает укладываться в слова. Какие уж тут объяснения... Ты просто делаешь.

* * *

– Ну вот и все... – говорит учитель. – Осталось так мало... руна беременной женщины – двойная. Или тройная. Или... сам понимаешь. Это просто информация, не советую с ней

что-нибудь делать. Так. Дальше. Все, что находится в развитии, может иметь нечеткие формы. Мыслитель или поэт могут тоже иметь двойную руну или даже быть скопищем разнообразнейших рун. На это можно лишь смотреть, пытаться что-то менять... грешно и запрещено. Никогда не пытайся лечить при помощи этой магии. Это дело слишком сложное, я и сам не умею, так что ничего не могу тебе посоветовать. Делай руны из воздуха, это самое простое для начала. Кстати, если вдруг окажется, что слепленная руна не нужна, проще всего избавиться именно от воздушной. Достаточно растереть ее между пальцами. Хуже всего с пустотой и мыслью. Будь особо осторожен с этими рунами. Их очень трудно уничтожить, и они всегда находят цель. Что еще? Мне всегда хотелось освоить руны чувств, но так и не сложилось. Я слышал, что они еще мощнее, чем пустота и мысль, но так и не решился попробовать. Подумай над этим, вдруг у тебя когда-нибудь выйдет?

У тебя тысяча вопросов, и это только для начала, но учитель со смехом качает головой.

– Нет уж. Мне пора, тебе – тоже. А все вопросы – потом.

– Когда – потом? – с ужасом спрашиваешь ты, осознавая, что означает это его «пора»...

– Вот когда жизнь свою проживешь, ученику знания передашь, умрешь... тогда и спросишь, – отвечает он.

– А мы... встретимся?

– Если очень захочешь – встретимся, – отвечает он. – А

теперь смотри на меня внимательно. Твоя задача – увидеть меня как руну.

Ты смотришь... смотришь... смотришь... ты видишь потрясающие своим изяществом формы, перетекающие, движущиеся, танцующие... в них и впрямь есть что-то птичье, но ты забыл, забыл его спросить, почему это так... а теперь не спросишь, потому что руна меняется, оплывает как свеча, живое перестает быть живым, а у мертвого тела совсем другая руна... и быть этой руне недолго, она рассыпается золотистыми искрами, стирается под наплывом внешнего мира, ведь то пространство в котором вы находились, в каком-то смысле тоже было телом, душой, памятью и жизнью учителя... оно уходит вслед за ним, а ты остаешься... Алайшер... Алайшер... Алайшер...

Учителя больше нет.

А тебе... тебе остается невероятное чудо. Ты жив, молод, у тебя все впереди. И ты владеешь магией. Пусть не такой, на какую надеялся, но все же... А если подумать, ты единственный в мире владеешь этой магией. И тебе не нужно глотать ядовитые эликсиры, чтоб получить доступ к Силе. Твоя сила совсем в другом.

Чудесный мир учителя наконец исчезает. Тебя приветствует твой собственный. Когда-то он обошелся с тобой не слишком ласково. Впрочем, ты и сам был во многом виноват.

Теперь... кто знает, что будет теперь?

Но у тебя достаточно сил, чтоб это выяснить.

Живи!

* * *

Он возникает в том же месте и в то же самое время. Он вроде бы даже успевает заметить силуэты двух стариков. Двух стариков, одним из которых когда-то был сам. Мгновение и вечность тому назад... Так недавно. Так бесконечно давно...

Старики мелькнули и исчезли. Что ж, один из них больше не появится никогда, а другой... другого тоже нет больше. Просто потому, что он теперь не старик. Он молод, силен, владеет просто невероятным знанием и помнит все, что с ним случилось в его прежней жизни. Его опыт никуда не делся. Вот только прежних ошибок он вправе не повторять. Новых с него будет вполне достаточно. Невероятная судьба подарила ему второй шанс. Так не бывает, но... так иногда случается.

Теперь у него другая жизнь. Другое тело. Все другое. Нет. Не все.

Все та же городская стена, солоноватый свет осенней луны и спящий под одеялом ленивого собачьего лая город. Да. Место то же самое, хоть и выглядит теперь слегка по-другому. Резче и черней стали тени. Их благородный бархат сменился блеском шелка, обтягивающего тугие бедра танцовщицы. Давно он не видел таких оттенков черного... Но это

потому, что и он теперь другой. Его молодое тело расправляет плечи, зоркие глаза с вызовом вглядываются в окружающий мрак. У этого тела множество желаний, о которых он уже позабыл. Оно еще не знает, как больно порой за них наказывают. Не так легко будет с ним справиться. Удержать его от всех тех безумных глупостей, которые оно намерено совершить. Остается надеяться, что оно хоть некоторые доводы посчитает разумными. Не зря же он прожил столь долгую, полную глупейших ошибок жизнь. Кажется, он совершил их все, сколько их есть... или даже чуточку больше. Нет уж, повторять все это еще раз он не намерен.

Он осматривается еще раз. Да. То же самое место. Место, в котором не прошло ни мгновения, пока они были *там*... Что ж, учитель и в этом оказался прав!

Маги появились внезапно.

Кожу обожгло колким холодом парализующего заклятья.

Ну да, учителя ведь преследовали. Он бежал, они догоняли. Вот и догнали... Дурак! Как же он раньше-то не подумал? Один, два, три... пятеро магов. Что называется – влип. Впрочем... какой с него спрос? Ищут-то не его. Того, кого ищут, уже не найти, даже если очень захочется, а он...

– Ты кто таков?

Ух, какой недовольный голос! Ну еще бы! С чего ему быть довольным? Он-то уж надеялся, что нашел мага из другого мира, за поимку которого его наверняка наградят. А тут вместо мага – какой-то мальчишка в лохмотьях с чужого пле-

ча. Бродяжка. Такая досада! Сохранить душевное равновесие и остаться довольным просто невозможно. Никаких магических сил не хватает. Остается надеяться, что его недовольство не выразится каким-нибудь смертельным или калечащим заклятьем.

– Кто таков, я спрашиваю?

Лучше всего притвориться смертельно испуганным. Правда, парализующее заклятье не очень-то этому способствует. Дрожать от ужаса оно, увы, не дает. К счастью, на лицевые мышцы это заклятье не распространяется. Все испуганные и жалостливые рожи мира в твоём распоряжении, бродяжка! Бойся! Бойся как следует!

Э! Да ему ведь и впрямь страшно! Это прежнее тело, усталое тело старика уже ничего не хотело и ничего не боялось, а это просто-таки трепещет от ужаса! Вот с рожами куда хуже, кажется, ты еще не умеешь их корчить. Ну да! В том возрасте тебе не часто приходилось бояться! А уж выставлять свой страх и свою немощ напоказ... Вот беда, боишься-то ведь на самом деле, еще как боишься, а *этим* почти ничего не видно. Остается надеяться, что твои глаза в полной мере выражают ужас, остается надеяться, что они заметят, а заметив – поверят.

– Кто таков, что здесь делаешь?

Другой голос. Куда более спокойный. Этот маг, вероятно, – старший. Ему гневаться не положено, он за всю погоню отвечает. Ему думать надо.

– Старика видел? – спрашивает он.

Ну вот и не надо ничего придумывать, даже врать не надо.

– Видел! Страшный такой... – Голос дрожит ничуть не наигранно.

– Куда он делся?

– Туда побежал... вроде бы... я не помню точно... я так испугался, что спрятался... а он исчез...

Да. Отвечать нужно именно так. Сбивчиво и нечетко. Если указать им какое-то одно направление, они сразу почуют, что там ничего нет, а вот если расширить круг их поиска... И, кроме того, с какой стати напуганный мальчишка должен точно знать, куда именно скрылся тот, кто его напугал? У него было занятие поважнее – ноги уносить!

– Туда, говоришь? – Маг посмотрел так пронзительно, что кости заныли. – Не врешь? – ледяным голосом добавил он.

– Нет, господин маг... зачем мне врать? – Получается так жалобно, что аж сердце радуется. Не хуже, чем когда в той, прошлой, жизни стenal и жаловался в бродячем кукольном театре за несчастных влюбленных кукол. Публика рыдала. И кормила. И наливала. И даже иногда платила...

– А вдруг ты его... спрятал? – Последнее слово будто кинжал в печень. Похоже, господин маг поднаторел в таких вот допросах. Но и мы ведь не первый день на свете живем. Господину магу и невдомек, что мы его малость постарше будем.

– Спрятал? Такого страшного?! – Голос выдает испуг. Что ж, тебе и не требуется его скрывать. Когда нищего бродяжку

хватает за шиворот великий маг, ясно же, что бродяжка должен испытывать. Он даже того старика вон как перетрусил, а уж такого великого господина мага...

– Если ты врешь, то превратишься в жабу, пупырчатую... противную такую, – с угрозой сообщает маг.

– Не вру я, не вру! – уже рыдает злополучный бродяжка – так рыдает, что аж губы от ужаса трясутся. – Боги свидетели – не вру!

– Такие, как ты, бродяжки в Богов не верят, – внезапно вступает другой маг. – Клянись Хозяином Подворотен, что не врешь!

«Ах ты, зараза! Вот с кем бы мне не хотелось связываться, так это с Хозяином Подворотен! Да еще и клясться его именем. Ну да что уж поделать? Гад ты все-таки, господин маг! И откуда знаешь? Сам небось из городских босяков, да? Стал магом и думаешь, что уже ничего не страшно? Что можно других обижать? И выдавать чужие тайны? Ну погоди, Хозяин Подворотен до тебя еще доберется! Он и не такими ужинал...»

– Клянусь, – шепчет икающий от ужаса мальчишка, размазывая по лицу слезы. – Чем хотите клянусь – не вру! Старик пошел – туда... наверное... я не помню точно... я не смотрел... очень страшно было...

Если бы не парализующее заклятье, он бы уже валялся в ногах у этих чудовищ. Ах, если бы он обошел стороной это страшное место, если бы он никогда не видел того старика!

Ах, зачем он и вообще на свет родился, сирота бесприютная? Все-то его, несчастненького, обижают!

– Так почему ж ты отсюда не сбежал, если так того старика испугался? – вновь спрашивает главный маг. Или не главный? Может, просто самый разговорчивый?

– Так я и бежал, господин маг, а тут вы... – хныкает бродяжка. – От вас разве сбежишь?

– От нас – никогда, – ухмыляется другой маг, и главный недовольно косится в его сторону. Он бы много чего, наверное, сказал сейчас своему подчиненному, но не при мальчишке же!

– Ладно, – кивает главный маг. – Хорошо. Мы тебе верим. Теперь... вот что... если ты этого старика еще где-нибудь когда-нибудь увидишь... со всех ног дуй в городскую гильдию магов. Расскажешь о старике – получишь награду. А чтоб они тебя сразу узнали... дай-ка свою правую ладонь! Не бойся, это не больно...

Невидимый захват разжимается, отпуская тело. Дрожащая ладошка тянется к магу, сложенная, словно для подаяния. Брезгливо поморщившись, маг делает изящное движение пальцами. С них срывается крохотная искорка, срывается и падает на подставленную ладошку. Мальчишка вздрагивает, смотрит на свою руку испуганно, точно ожидая, что она вот-вот скрутит кукиш, превратится в какое-нибудь чудовище или попросту как следует заедет в глаз.

– Просто покажешь в гильдии свою ладонь, и тебя обяза-

тельно выслушают, – говорит главный маг. – Да не трясись так, ничего с твоей рукой не сделалось, я просто оставил на ней метку, которую сможет прочесть любой другой маг, чтоб тебя по ней сразу узнали.

– Метку? – трепеща переспрашивает мальчишка. – А мне теперь как? Мне ею вообще ничего делать нельзя?

– Можно, – вновь морщится главный из магов. – Можешь ею пользоваться, как и раньше. Так, словно с ней и вовсе ничего не случилось.

– А метка... она не сотрется?

– Нет, – раздраженно бурчит маг.

– Она не ядовита? – жалобно вопрошает мальчишка. – А мыть эту руку теперь можно?

– Заткнись, – еще раздраженнее откликается маг. – Я же говорю, ничего тебе от этой метки не сделается. Можешь ее мыть, брить, в ухе ковыряться... Главное – запомни: увидишь старика, моментом дуй в гильдию!

– Все могло быть куда хуже, тебя могли превратить в жабу, – вновь ухмыляется кто-то из его подчиненных.

Мальчишка по-прежнему недоверчиво поглядывает на свою руку, но самих магов почти что уже и не боится. Раз ему дали распоряжение, значит, он нужен. А раз нужен, значит, его не будут убивать. И превращать в жабу не будут. Жаба не сможет прибежать в гильдию, даже если увидит того старика, жаба не сможет показать правую руку, разве что громко квакнуть...

– Да, господин маг, – отвечает мальчишка. – Я все так и сделаю, как вы сказали...

И кланяется. Низко-низко.

– Что-то руки у тебя для попрошайки больно чистые, – задумчиво бормочет главный маг, отворачиваясь.

Крылатые кони магов спускаются из ночной темноты. Маги вскакивают в седла и почти тут же исчезают, растворяются в блестящей от лунного света темноте... темноте, похожей на шелк, обтягивающий тугие бедра танцовщицы. Танцовщица задорно вертит бедрами, а ты утираешь слезы. Ночная тьма впитывает твой страх без остатка. Едва слышно шумит теплая осень...

Что ж, до утра придется переждать, а там... а там нужно постараться как-то устроиться в этой жизни, и уж на сей раз прожить ее как следует. Третьего раза тебе никто не предоставит. Уж таких-то чудес точно не бывает!

Юркая тень скользит знакомыми подворотнями, на бегу соображая, что появилась и еще одна опасность, о которой старик давным-давно позабыл.

«Что ты здесь делаешь? – посверкивая ножом, говорит эта опасность чужакам, внезапно выныривая из подворотни. – Откуда ты? Из какой шайки? Почему на нашей территории? Подаяния просишь? Ты?! Здоровенный деревенский бычок? Подаяние, да? И много подают? А ведомо ли тебе, что тех, кто мне врет, я убиваю? Да-да, вот этим самым ножиком, ты правильно смотришь...»

У нищей, бесприютной, одинокой старости, оказывается, есть свои преимущества. То, что ты никому не нужен, означает также и то, что ты не нужен действительно никому. Нечего с тебя взять. А вот если ты молод... ты просто не можешь безнаказанно слоняться по эдаким трущобам и не принадлежать при этом ни к одной шайке. Ведь если ты не свой, значит, чужой. Чужак, явившийся невесть с какими целями. А с ними разговор, как правило, короткий.

Кертелин крался, сливаясь с тенями, стенами и заборами. Кертелин боялся.

Огромная танцовщица-ночь насмешливо вертела бедрами, то и дело обдавая его жаром, своего могучего тела. Ей непонятны были его нелепые страхи. Ну – зарежут. Ну – кровь. Красное отлично смотрится на черном шелке...

«Неужто ты не хочешь украсить меня собой?»

«Прости, красавица...»

«Твоя кровь на ярком блеске моих одежд...»

«Прости, красавица... я только начал этот танец... глупо ставить точку в самом начале, не успев сделать и десяти движений...»

«А жаль... мне бы пошла красная лента...»

«Прости, красавица...»

Кертелин шел тихо, придерживая дыхание, осматриваясь на каждом шагу. Поражаясь несметным возможностям своего нового тела. Оказывается, можно не задыхаться и не спотыкаться тоже можно, оказывается, можно красться так ти-

хо, что тебя даже крысы не слышат... по крайней мере – некоторые. Оказывается, подтянуться и незаметно перемахнуть забор – это легко. И слиться с тенью и переждать, пока пройдут. И укутаться сумраком нависающей стены. И никакой магии! Ничего из того, что ему преподал его загадочный учитель. Впрочем, его магия тут была бы не слишком хорошим подспорьем. Но магия и не нужна. Тело летит, тело танцует, тело сливается с ветром, тело обнимает танцующую ночь, силясь поспеть за ее обманчиво медленным кружением... Нужно только придерживать себя, чтобы не закружиться с ночью в едином танце, ведь ночи нечего бояться, тогда как тебе...

Впрочем, телу нравится все, в том числе и этот страх. Оно испытывает удовольствие от возможности *так* бояться. Бояться истошно, до дрожи напрягая каждую жилочку, словно бы потягиваясь и распрямляясь, словно бы проверяя свою способность без остатка отдаваться чему-то кошмарному, чтоб в следующий миг с воплем ужаса броситься прочь.

Кертелин вынырнул из последней подворотни и вздохнул с облегчением. Эти широкие улицы ни одна шайка уже не контролирует. Потому что не может. Потому что отсюда начинаются богатые кварталы. Потому что преступления здесь если и совершаются, то за высокими стенами огромных домов, а не на широких светлых улицах.

А шайки... Сюда они порой наведываются что-нибудь украсть. Впрочем, занимаются этим немногие. Самые глу-

пые... или самые отчаянные, это как посмотреть. Эти улицы контролируются бдительной городской стражей, а ведь любому ведомо, что даже самый длинный нож – неубедительный аргумент против меча и алебарды. А если учесть, что городскую стражу почти что всю нанимают из отставных пограничных стражей, а те и голыми руками с любым мечом управиться способны...

Нет, на этих улицах Кертелин ничего не боялся. Разве только того, что его стражники задержат. Ну и пусть их задерживают, не убьют же! А в городской тюрьме и переночевать можно. Сочинить за ночь какую жалостливую историю, получить пару оплеух с утра пораньше и вновь стать вольным как ветер.

«Если поймают, попрошусь, чтоб оставили при тюрьме или при страже работать, – подумал он. – Сочиню историю пожалостнее и попрошусь. Если повезет – примут, работу дадут, а там – посмотрим».

Но улицы, как назло, будто вымерли.

Ну хоть бы один какой завалящий стражник попался!

Пройдя пару кварталов, Кертелин решительно свернул к сияющему всеми огнями трактиру.

Трактир господина Вагрита – один из лучших трактиров города – закрывался поздно, а если клиенты попадались выгодные, мог не закрываться и до утра.

– Пойду, хоть здесь попрошу какую работу, – сам себе сказал Кертелин. – Вдруг повезет? А нет – так хоть накормят,

говорят, там хозяин добрый...

Он сказал все это, и темнота промолчала в ответ. А он шагнул к трактиру. В этот миг он почти не думал о своем таинственном учителе, о том невероятном ремесле, что ему досталось, равно как и о своей второй молодости, к которой он почти успел привыкнуть. Молодость ко всему легко привыкает. Это пожилым трудно смириться с переменами, принять как должное, что отныне все встало с ног на голову, а все прочие, вместо того чтоб сделать как было, как правильно, велят считать голову ногами, а ноги – головой. Молодости наплевать, где голова, где ноги, ей просто нравится новое.

* * *

На голове известного всему городу трактирщика, господина Вагрита, белела свежая повязка.

– Извини, парень, – развел руками он. – Рад бы, но... у меня со вчерашнего дня – правило: чужих на работу не брать!

– Правило? Со вчерашнего дня? – Кертелин жалобно посмотрел на трактирщика.

– Вот именно, – вздохнул тот и зачем-то потрогал перевязанную голову. – Со вчерашнего. Потому что вчера я как раз – взял.

Он вздохнул и с укоризной посмотрел на юношу.

– Взял такого же, как ты, парнишку, – продолжил он. –

Старательного, аккуратного... А он... ночью, когда все уснули, оглушил и связал сторожа. А потом открыл ворота и впустил разбойников. Хорошо – стража поблизости оказалась, не то даже не знаю, чем бы все кончилось.

Хозяин трактира еще раз потрогал перебинтованную голову и вновь вздохнул:

– Откуда мне знать, кто ты таков, парень? Ну, вот... сам рассуди, по совести...

Что ж, по крайней мере это было честно. Понутившись, Кертелин повернулся к выходу.

– погоди, – остановил его голос хозяина. – Если я тебя на работу не беру, это ж еще не значит, что я тебя голодным на улицу выставлю? Что ж, я – сволочь какая?! Идем!

Так Кертелин оказался на лавке, в углу, рядом с кухней. На стол перед ним бойкая служаночка поставила тарелку дымящейся похлебки, порцию жаркого и кружку слабенького вина. Поставила, развернулась и горделиво, будто королева, направилась прочь. Она была... ему аж кровь в лицо бросилась... он аж задохнулся, единожды на нее поглядев. Да-а-а... от таких переживаний он уже отвык. Подумать только – девушка! Последние годы его интересовали лишь те девушки, которые швыряли ему монетку-другую в подставленную шляпу. А теперь... молодость берет свое. Впрочем, служанка даже не посмотрела на юношу. Наблюдая за ее стремительными передвижениями по трактиру, за тем, какие люди пытаются за ней ухаживать, Кертелин мог только вздох-

нуть. В таких лохмотьях... без денег... без каких-либо планов на завтрашний день... заинтересовать такую девушку... хотя бы на одну ночь...

«Интересно, кому из этих она сегодня достанется? – с завистью подумал Кертелин – Хорошо бы, чтоб никому!»

«Мне всего пятнадцать! У меня все впереди! – напомнил он сам себе. – И вообще, с чего это я такой вдруг завидующий? Почему это, если мне не может сейчас повезти, то и никому не должно?!»

Он с тревогой посмотрел на собственные молодые руки. Они показались ему отвратительными.

«Неужто я и тогда был такой завистливый?» – с тревогой подумал в нем тот, кто так и остался стариком.

«Эй, я просто хочу эту девушку, а она достанется кому-то другому. Мне просто обидно, вот и все. Что тут такого?» – возразил молодой.

«А ты сам не понимаешь?! – возмутился старик. – Почему ты себя лучше всех считаешь?»

«Вовсе я так не считаю! При чем тут все? Да ты только посмотри на *этих*! На того... или на вон того? А эта... нашла кому улыбаться! Да чем он лучше меня? Неужто тем, что у него кафтан золотыми нитями расшит?!» – с досадой выпалил молодой.

«А чем он *хуже* тебя? – возразил старик. – Неужто тем, что у него кафтан золотыми нитями расшит?! У него – да, а у тебя – нет? Что такого плохого ты о нем знаешь? Почему

ты его, впервые встретив, сразу мерзавцем считаешь?»

«Да не считаю я никого мерзавцем!»

«А раз не считаешь, тогда почему это она не должна никому достаться, раз *ты* ей не приглянулся?»

«А может, ей никто не нравится?!»

«Может. Вот только это не твое дело! Это уж она сама решит, кто ей нравится, а кто – нет. Вот ты, например, – не нравишься. И, думается, я знаю – почему».

«Потому что я беден и плохо одет?»

«Нет».

«Потому что слишком молод?»

«Опять нет».

«Некрасив?»

«Девушки хорошо чувствуют, кто есть кто, – вздохнул старик. – Она чувствует твою глупость, твою зависть, твою мелочность... и то, что в глубине души ты считаешь себя лучше других, – тоже».

Молодой вздохнул и ничего не ответил.

«Ешь лучше суп!» – наставительно изрек старик.

«Вот уж не думал, что мне опять придется со всем этим возиться!» – добавил он немного погодя.

«Твое высокомерное смирение она тоже чувствует», – тотчас поддел его молодой.

«Откуда у нищего высокомерие! – фыркнул старик. – Ты меня с собой не путаешь?»

«Это ты все путаешь, – отозвался молодой. – Я сказал не

«высокомерие», а «высокомерное смирение».

«Да, это – по моей части, – вздохнул старик. – Похоже, мы с тобой просто кладезь пороков и дурных наклонностей... вот нас девушки и не любят»...

«Признаю, я вел себя недостойно! – доев суп, честно признал юноша. – Но... это не нарочно вышло. Просто меня слишком долго не было...»

«Боюсь, я вел себя не лучше. С тобой – не лучше, – ответно вздохнул старик. – Но у меня тоже есть оправдание. Я слишком долго был. Это страшно портит характер».

* * *

– Я вижу, вам отказали, юноша?

Ты заметил его раньше, чем он подошел, ты просто слишком был занят разговором с самим собой, а этот... Он высок, строен, он даже красив, наверное, – не раз и не два поглядела на него бойкая служаночка, но служаночка его не интересуется, за нее ведь есть кому заступиться, тогда как за тебя...

Он высок, строен, он даже красив, наверное... его выдают глаза...

Он ловко подсаживается рядом. С той самой ловкостью и непринужденностью, которая шлифуется годами. Он словно бы не видит твоих лохмотьев, впрочем, он и впрямь их не видит, сквозь них он наметанным глазом видит твое молодое, привлекательное тело. Да-да, именно оно его и интересует.

Ах, тебе неприятно? Вот и подумай, каково служаночке. На нее с утра до ночи так смотрят. Все. Даже ты. Ах, она получает от этого удовольствие? Ты и в самом деле в этом уверен? Что, уже нет?

И все же... на нее смотрят не совсем так. Этот взгляд – он особенный. Эти глаза... ты уже видел такое, правда, давно. Тогда ты едва остался цел, но тогда у тебя не было твоего нынешнего знания.

– Это так огорчительно, что вам отказали, юноша, – промолвил подсевший. – Вы ведь не виновны в том нелепом случае, который произошел с хозяином этого славного заведения...

– Что поделать, – отвечаешь ты. – Придется попытать счастья в другом месте. Кстати, вчера мне пришлось ночевать в каком-то сарае, у меня могут оказаться блохи... вы бы не подсаживались ко мне так близко, господин...

«Может, сработает? Может, отвяжется? Хотя... где там! Человек с такими глазами...»

– Я не боюсь блох... – подсевший придвигается еще ближе. – У меня есть замечательное вино, – тотчас добавляет он. Его рука исчезает за пазухой и появляется вновь, с маленьким керамическим кувшинчиком. – Давайте выпьем за нашу счастливую встречу, юноша, – говорит он, глядя в глаза. – И не беспокойтесь по поводу работы, считайте, что удача вам наконец улыбнулась...

Улыбка удачи выглядит кривовато, а глаза... Нет, если бы

он действительно предлагал то, на что вот-вот собирается на-мекнуть, ты бы еще подумал. Чего только не случилось в твоей долгой и забавной жизни, но эти глаза... Ты почти догадываешься, для чего ему понадобилось твое тело. Ему ведь, в общем, нет разницы – мальчик или девочка, важно, чтоб заступиться было некому. Еще раз поглядев ему в глаза, ты решаешься. В тот, прошлый раз едва уцелел ты, в этот раз не уцелеет он. И что с того, что тот был совсем-совсем другой? У тех, кто от скуки развлекается убийствами, – одинаковые глаза. У тех, кто любит рисовать ножом по живому, одинаковый взгляд. Тусклый и жадный одновременно.

Ты пробуешь губами чужое, дорогое вино, а твои руки уже вырезают руну. Первую в твоей жизни самостоятельную ру-ну.

– Такое вино нужно пить до дна, юноша, – наставительно замечает подсевший.

– А я люблю растягивать удовольствие, – отвечаешь ты, созерцая руну своего собеседника, прикидывая, какие изменения в нее лучше внести. Приговор уже вынесен. Остается его вырезать в виде руны. Никакого материала под рукой нет, но воздух – тоже подходящий материал.

– Да пейте же, юноша, что вы стесняетесь, что ли? – рука подсевшего ложится на плечо.

«Да, конечно, пейте! Там небось дурь какая подмешана, чтоб увести потом без помех захмелевшего мальчишку. А хозяин небось еще подумает, мол, повезло парню, нашел се-

бе богатого любовника!»

Ты делаешь вид, что глотнул как следует, и прикрываешь глаза. Чужая рука на колене. Накрываешь ее своей. В другой – руна. Руна, напряженно ждущая своего часа. Ничего, уже недолго. Теперь сделать вид, что засыпаешь, и дело сделано. Да. Точно. Тебя аккуратно поднимают и куда-то ведут. Куда? Как это – куда? К разделочному столу, конечно...

– Слышь, парень, не ходи с ним!

Это хозяин. Он так некстати вмешался. Руна уже зажата в твоей руке... она ждет своего часа... ей недолго ждать... как только этот тип вытащит нож, ты...

– В чем дело, милейший? На каком основании вы пристаёте к моему спутнику? Это не делает чести вашему заведению.

А это подсевший к тебе мерзавец. Он ведет тебя к выходу, обнимая за талию. Насколько другой у него голос, когда он сердится!

– А мне плевать, делает или не делает! – хмуро роняет хозяин трактира. – Слышь, чего говорю, парень? Не ходи с ним, я тебе работу дам!

– Юноша вправе сам решать, – возмущенно говорит твой спутник.

– Вот пусть и решает, – бурчит хозяин трактира. – Я свое слово сказал.

И опять трогает свою головную повязку.

– Кстати, где-то я вас видел, господин... – вдруг добавляет

он, пристально вглядываясь в лицо твоего спутника. — Или что-то о вас слышал... или...

Твой спутник стремительно разворачивается, почти бегом бросаясь прочь. Хлопает дверь трактира.

— Экая сволочь, — бурчит хозяин. — А ты... ты ведь на дурачка не похож. Зачем хотел с ним пойти?

— Вообще-то я хотел его убить, — отвечаешь ты, комкая неподатливую руну, растирая заколдованный воздух меж пальцами. Несбывшаяся смерть рассыпается незримым пеплом.

— Убить, — бурчит хозяин. — Убил котенок тигра...

И опять трогает свою повязку, с сомнением глядя на тебя.

* * *

Владыка Зари медленно открыл глаза. Он не мог понять, что с ним и где он находится. Пустота в мыслях и странная скованность во всем теле. Странная, непонятная, пугающая скованность...

Он, который был способен единым движением бровей сотрясать горы, слабым мановением мизинца прерывать сотни и тысячи жизней, творить вещи, мысли, чувства, искажать реальность согласно своим прихотям в пределах, допущенных Богами... теперь он не мог попросту встать... или хотя бы понять, где и почему он находится...

Страшнее всего, что он даже не помнил, как сюда попал.

Пустота в мыслях... пустота в сердце... пустота там, где должен струиться могучий, незыблемый поток... пустота...

«Да что же это? Что? Неужто это уже... *оно*?»

Волшебный рассвет не струился по телу мощным потоком, всесильная заря не улыбалась из-под его ресниц, утреннее золото магии отзывалось вяло и неохотно. Магическую силу приходилось звать... и дожидаться, пока придет. Проще было пошевелить пальцами рук. Впрочем, и это давалось с большим трудом. Немота, сухость во рту... он даже испугаться толком не мог – сил не было. Обычных человеческих сил.

Собрав всю волю в кулак, он со стоном перекатился набок и замер, пораженный.

Пиршественная зала.

Большая пиршественная зала.

И он – на полу, один...

Один – посреди залы. Один.

Пир был в самом разгаре... пир, веселье, смех... а потом все внезапно бросились бежать... Он не помнил, как это случилось, но оброненные кубки, перевернутые кресла и недоеденные яства говорили сами за себя.

Они сбежали... сбежали... бросили его одного!

Значит, и впрямь – *оно*...

Даже в мыслях своих он страшился произнести имя своего давнего и ненавистного врага, имя своего ужаса и отчаянья. Ибо есть в мире нечто, с чем никакая магия не спра-

вится.

Сильнее любого высокого лорда – истинного мага – только Владыка Зари, в ком магическое золото утра проявляется с наибольшей силой, а сильнее Владыки Зари только смерть... смерть и вечная ночь.

Владыка Зари боялся смерти.

Высокие лорды не умирают, как прочие, они живут долго, куда дольше обычных людей. Они могут прожить почти тысячу лет – если, конечно, яд, сталь или магия не оборвут их дыхание раньше. А само умирание...

Высокие лорды всегда знают, когда приходит их время. Говорят, когда-то они заключили некий договор с Богами, и те даровали им возможность знать... знать, чтобы успеть закончить свои дела на земле.

Когда приходит время умирать – высокий лорд засыпает... засыпает прямо посреди дня, невзирая ни на что. И это – первый удар погребального колокола, первая песчинка в перевернутых песочных часах. Высокие лорды умирают не сразу.

Он проснется, и оцепенение покинет его, прежние силы вернутся к нему, тайная магия Зари вновь коснется его сердца. Но все же... он станет немного слабее. И так каждый раз. Все чаще и чаще... А этот всепоглощающий дневной сон... он все глубже, все продолжительней... все трудней от него очнуться. И все меньше сил. Мощная река магии разбивается на отдельные ручейки, ручейки слабеют, мельчают, пе-

ресыхают... Такое умирание может растянуться лет на тридцать, а иногда – почти на сто. Достаточно, чтоб привести в порядок свои дела на земле.

Достаточно?!

Вся жизнь некоторых простолюдинов оказывается куда короче, чем это величественное, царственное угасание. Золото зари не сразу охватывают сумерки.

И все же... этого мало. Подобная участь кажется благословенным подарком Богов лишь в начале пути. Впрочем, вначале об этом и вовсе не думаешь. Когда же и впрямь подходишь к этому порогу, начинаешь понимать, что этого нестерпимо мало, что тебя обокрали, определив ничтожную долю. Да и как удовлетвориться жалкими крошками тому, кто привык хватать жизнь полными горстями? Как?!

Это простолюдинам легко умирать, они и не жили-то, собственно. Ибо можно ли, не кривя душой, назвать жизнью их бессмысленное и бессильное существование? Их скотское барахтанье в грязи? Жалкое трепыхание на границе дня и ночи? Краткий миг. Едва ты успеваешь продрать глаза, как уже наступает вечная тьма. И это – жизнь? Вот уж нет!

Но когда ты могуч, силен и деятелен... когда у тебя столько всего еще намечено... это подлость со стороны Богов – потребовать жизнь в такой момент. Самая настоящая подлость! Он ведь столько всего еще не успел...

Так не хочется умирать. Так не хочется. Впрочем... ничего другого все равно не остается. Даже высокий лорд, даже

Владыка Зари не может поспорить со смертью. Раньше или позже золотистое сияние утра гаснет и ледяная рука тьмы ложится тебе на грудь, тесня дыхание, останавливая сердце.

Раньше или позже... вот *оно* и случилось... Смерть постучалась в дверь, заглянула на миг, усмехнулась и вышла. Теперь она будет время от времени приходить в гости. Приходить и молча смотреть. И только однажды она разомкнет уста и тихо скажет: «Иди за мной...»

Никто не говорил, что она обольстительно красива. Но нет никого, кто бы устоял перед ее призывом.

Остается жить дальше, жить зная... доживать, торопиться, спешить... Спешить доделать все, что хотелось. И не успевать. Трагически не успевать получить от жизни все, что тебе причитается, все, что должно было стать твоим и только твоим... да просто-напросто надышаться как следует не успевать. С ужасом слышать грохот песчинок в песочных часах, каждая теперь – размером с огромный камень, и все барабанят по твоему сердцу! Жить, кое-как жить, еще дыша, но уже умирая... И все чаще и чаще засыпать вот так... среди бела дня, на глазах подданных... и просыпаться, слыша лживые уверения, что все в порядке, что это, конечно же, совсем не *то*, что ты подумал, твоему величеству почудилось, просто день жаркий, вот тебя и сморило... ловить трусливые, понимающие – порой торжествующие! взгляды и чувствовать, как раз от разу каменеет твое тело.

Или, как сейчас, просыпаться и вовсе в полном одиноче-

стве, когда придворные просто сбежали, скрылись куда глаза глядят, опасаясь твоего страха и гнева. В конце концов, это всего второй такой случай. В первый раз ты сумел убедить себя, что это – случайность. Сумел. Тем более что тебя окружали такие старательные помощники. Ну мог же ты, в самом деле, утомиться?! Мог же!

Увы... дважды подряд... в таком возрасте...

Вот и сбежали, мерзавцы... подальше от твоего страха и гнева, от твоего отчаяния. Ты все еще сильнее любого из них, и даже если они посмеют все вместе... впрочем, они не посмели, им показалось, что сбежать – проще. Что ж, пусть попробуют вернуться. И что-нибудь сказать. Мы послушаем. С интересом послушаем. Возможно, некоторым предстоит умереть раньше тебя. Хотя... так ли это важно тому, кому все равно предстоит умереть? Дважды подряд – это не случайность... А еще это окаянное онемение... Нет, не онемение, нужно смотреть правде в глаза – окаменение...

Все меньше рассвета, все больше камня... камня... камня...

Высокие лорды, умирая окончательно, превращаются в камень, камнем их делает навсегда утекающее золото рассвета, чудесная магия Зари, подземные чертоги под твоим дворцом полны окаменевших тел твоих предшественников. Скоро, очень скоро, безжалостно, безнадежно скоро ты к ним присоединишься... и ничего сделать невозможно. Ничего.

Высокие лорды умирают долго и, даже окаменев уже пол-

ностью, заснув навсегда, способны еще какое-то время приходить в сны своих потомков.

Да. Только это тебе вскорости и останется. Навещать во сне своих многочисленных отпрысков, так и не унаследовавших твою искристую силу. А значит, они не в счет. Не каждый высокий лорд способен стать Владыкой Зари, никто из твоих потомков не станет, не сможет, не справится... Ни одна из твоих жен и наложниц не смогла родить тебе наследника, во всем подобного тебе. Что ж, так оно обычно и бывает. Ведь и твой отец был обычным высоким лордом и никаким особым могуществом не отличался. Кто знает, кого изберет Заря на этот раз?

Тебе этого уже не узнать...

Владыка Зари со стоном подтянул ноги и кое-как сел, опираясь на руку. Он уже чувствовал, как возвращается сила, как крохотные ручейки ее сливаются в широкую реку. А вместе с силой пришел страх. И жалость к себе. На глазах Владыки вскипели слезы. Он жалобно всхлипнул и яростно саданул кулаком по беломраморному полу пиршественной залы.

Обычный человек рассадил бы руку до крови. Быть может, даже сломал бы ее. От удара Владыки Зари, от усиленного могущественной магией удара белоснежный мрамор треснул, словно стекло. А поскольку весь пол состоял из единого цельного куска, громадного куска шлифованного магией мрамора, то черные трещины, словно паутина, мигом рас-

ползлись по всему залу.

«Осень, – почему-то подумалось Владыке Зари. – Листопад скоро».

Он медленно поднялся и побрел к своему месту за пиршественным столом.

«Осень?»

Тихий шорох не был похож на падающие листья.

Владыка Зари прислушался.

Шаги.

Все громче и громче.

В распахнутые двери пиршественной залы один за другим входили придворные.

Владыка Зари, стоял возле своего места за пиршественным столом, стоял, внимательно глядя на входящих, силясь поймать хоть один взгляд. Но ни один высокий лорд так и не смог посмотреть в глаза своего повелителя. Каждый недвижно замер возле своего места, не решаясь сесть, пока стоит Владыка, не зная, что сказать, что сделать, как разрядить неловкое и страшное молчание, как разогнать все сгущающуюся и сгущающуюся тишину.

Владыка Зари молчал. Тишина накатывала, наваливалась на высоких лордов, с каждой минутой становясь все мучительнее и страшнее. И вот, когда молчать стало и вовсе уж невыносимо, когда само молчание сгустилось до истошного крика, вновь чьи-то шаги протоптали тропинку в тишине.

Негромкие, уверенные и спокойные, они приближались к

пиршественной зале. Владыка Зари содрогнулся, представив на миг, что именно так когда-нибудь прозвучат шаги *той*, что уведет его за грань этого мира.

Но это была не смерть. В пиршественную залу вошла кошка. Вошла и просительно мяукнула.

Владыка Зари медленно выдохнул. Страшное напряжение отпустило его.

– Дайте ей чего-нибудь, – буркнул он, ошеломленно сообщая, что перепутал кошачьи шаги с человеческими. Или даже не с человеческими, а... кто знает, в каком обличье приходит смерть? Мы всего лишь надеемся, что она похожа на нас. Что она не представляет собой нечто совершенно ужасное.

Ни один Владыка Зари, при всем могуществе, так и не смог разглядеть смерть и понять, что же она такое и куда уводит свои жертвы.

«Перепутал кошку со смертью. Да уж. Вот так вот. И впрямь помирать пора».

Негромкий облегченный вздох прокатился по залу.

Придворные засуетились. Сразу несколько лордов и леди склонились к четвероногой спасительнице, наперебой пытаясь ей угодить. Никому и в голову не пришло звать слуг: в конце концов, именно благодаря этой мохнатой нахалке гроза прошла стороной!

Владыка Зари вновь обвел глазами придворных. Большинство смотрели на него с облегчением, кое-кто по-прежнему с ужасом и жалостью, мелькнуло несколько злорад-

но-ненавидящих взглядов и даже один презрительный.

«Что? Вы уже перестали меня бояться? Или, быть может, вы решили, что я уже умер? Ну так вы ошибаетесь. Это случится не сегодня, милорды и миледи... и даже не завтра, как это для вас ни прискорбно!»

Владыка Зари смотрел до тех пор, пока все они не опустили глаза вновь.

– Моя смерть – сильнее меня, – медленно промолвил он. – Но к вам, миледи и милорды, это не относится. Я – умираю. Но любой из вас может умереть раньше, если мне то будет угодно. И я еще жив.

Высокие лорды съежились возле своих мест. Им было неуютно. Страшно им было. Владыка Зари с наслаждением вдыхал их страх, это помогало ему забыть о собственном.

«Казнить, что ли, кого-нибудь?»

Владыка Зари с наслаждением вздохнул, чувствуя, как магия ровным неостановимым потоком бежит по его жилам. И вовсе у него меньше сил не стало! С ним все нормально. И смерть... это еще не скоро. За это время можно что-нибудь придумать. Чтобы Владыка Зари, да не придумал? А пока...

Владыка Зари медленно и с достоинством опустился в свое кресло на возвышении.

– Продолжим пир, миледи и милорды, – милостиво сказал он. – В вашем временном отсутствии было что-то неправильное. Постарайтесь так больше не поступать.

Великий магистр Ордена Охраны Зари погасил магический кристалл. На губах его цвела счастливая улыбка. Он все-таки дожил! Это случилось сейчас! При нем! Отныне у него есть невероятный, непредставимый, немыслимый шанс! Удача повернулась к нему лицом – и он не собирался ее упустить!

– Дважды! – шептал он. – Такое не может быть совпадением! И как они все перетрусили! Нет, столько высоких лордов не могло ошибиться! Это оно! Оно!

Вообще-то считалось, что магические кристаллы, изготавливаемые обычными магами, не способны осилить древнюю магию Зари и показать хоть кого-то из высоких лордов, не говоря уж о самом Владыке. Однако кристаллы последнего поколения... среди молодых магов нашлась парочка юных гениев, сыскавших способ поспорить с Зарей. Высоким лордам, разумеется, об этом позабыли доложить.

Именно такой кристалл и погасил Великий магистр Ордена Охраны Зари, в досталь наглядевшись на беду и ужас того человека, которого он когда-то клялся защищать, не щадя никаких сил, пусть даже и ценой собственной жизни.

Великий магистр был счастлив. Все шло так, как он и надеялся. Владыка Зари боялся смерти, несмотря на все свои прожитые – а с точки зрения Великого магистра, бездарно

растраченные! – годы. И, разумеется, он не собирался отдавать свою единственную и неповторимую жизнь за того, кто и так прожил чуть не вдесятеро больше его. Он собирался грамотно воспользоваться его смертью.

Долго срок жизни, отпущенный высоким лордам... еще дольше он у Владыки Зари, и лишь ничтожное количество людей умудряется продлить свою жизнь хоть на самую малость, став для этого магом. Впрочем, магия может и сократить жизнь, ибо ядовиты эликсиры, высвобождающие ее в теле обычного человека, только подлинная мощь способна поднять мага к вершинам мастерства, научить его справляться с последствиями воздействия эликсиров. Таких мастеров немного.

Великий магистр, разумеется, был в их числе, но ему хотелось большего. И вот сейчас... пришла пора привести в действие давно задуманный план. Еще не поздно. Он еще достаточно силен для этого. У него хватит времени. Сама Судьба ведет Владыку Зари в его хитроумную ловушку.

Такое событие просто необходимо отметить!

Великий магистр торжественно встал, в руках его тотчас возник бокал из тончайшего горного хрусталя – прозрачная каменная дымка, словно бы и не бокал даже, а эхо мимолетного сна, застывшее в воздухе. Повинуясь мысленному приказу Великого магистра, в другой его руке образовался маленький кувшинчик редчайшего вина. Глаза Великого магистра на миг вспыхнули колдовским огнем.

Ну так и есть! Вино, разумеется, было отравлено.

«Вот ведь мерзавцы! Ну просто ни одного честного человека рядом! Хоть из Ордена беги!»

Великий магистр чуть поморщился и одним коротким волевым импульсом обезвредил яд. Вино наполнило хрустальный бокал. Великий магистр пожелал себе всего наилучшего и выпил. Вино слегка горчило. Великий магистр вновь поморщился.

«После обезвреживания яда вино всегда немного горчит, но почему эта досадная неприятность должна была случиться именно сегодня? В такой день?! Он это нарочно, честное слово!»

Великий магистр нахмурился. Да сколько же можно, в конце концов!

«Старшего магистра Тоффина ко мне!» – мысленно рявкнул Великий магистр.

Волна его гнева накатила на всех магов, находящихся поблизости, и те с облегчением – «хвала Богам, на сей раз это не меня, не меня!» – ныряли под волну и снова жадно хватали такой сладостный воздух, когда волна уходила, катясь дальше, пока не достигла того, кому и предназначалась, – Старшего магистра Тоффина.

Этот высохший от эликсиров и растерявший почти всю свою былую силу старик травил его чуть ли не ежедневно. Отраву он подбирал самую незамысловатую, а защищал ее столь хитроумными и сложными заклятиями, что не заме-

тить все это было просто невозможно. Великий магистр давно боролся с искушением испепелить старого дурака. Не потому что мерзавец и отравитель, а потому что надоел.

– Господин Великий? – Тоффин, как всегда, поклонился чуть не до самого пола.

Эта его дурацкая манера называть главу Ордена просто «Великим» тоже раздражала Великого магистра, но старика не переделать. Если он даже травить своего Великого магистра не отучился за все эти годы... И ведь видит, что от его попыток никакого толку, а все равно не перестает. И каждый раз, каждый раз одно и то же! Великий магистр давно подзревал, что этот его заместитель малость не в своем уме.

«Ничего, вот исполнится то, что должно исполниться, и я этого старого уroda выброшу, как грязную ветошь!»

– Ты опять испортил мне вино, – сказал он.

– Виноват, господин Великий... – вновь поклонился старик. – Больше не повторится.

Ни тени раскаяния в глазах. Ни тени страха. Он и так знает, что ему ничего не будет. «Как же он удивится однажды, когда я все-таки прикажу его казнить!»

– Сколько лет подряд я от тебя слышу эту фразу? – вздохнул Великий магистр.

– Сто двадцать семь, – тотчас откликнулся старик. – Три месяца и четыре дня. И вы каждый раз меня об этом спрашиваете.

Великий магистр не нашел что ответить. Впрочем, его ин-

тересовало совсем не это.

— Кто на сей раз готовил яд? — спросил он. — У тебя самого так хорошо не вышло бы. Чувствуется рука весьма талантливого алхимика.

— Молодой, — ответствовал Старший магистр Тоффин. — Холлерг. Это из новеньких.

— Холлерг? — переспросил Великий магистр. — Что-то я о нем уже слышал... он произведен в мастера?

— Недавно произведен, — кивнул Тоффин. — Как раз за успехи в алхимии. По заветам-то он слабоват, разве что перемещение освоил толком. А вот в алхимии — мастер, каких поискать. Даже отдельную мастерскую уже получил.

— Пусть зайдет ко мне завтра после обеда, — распорядился Великий магистр. — Можешь идти. Свободен...

Тоффин вновь склонился до полу и побыстрее вышел из кабинета.

Великий магистр вздохнул. Этот Тоффин, конечно, дурак. Да и не один он такой. Гнать бы их всех к демонам! Это надо же! Изо дня в день пытаться отравить главу собственного Ордена, считая, что тебе за это так-таки ничего и не будет!

И ведь не будет. Нельзя его убирать. Его и других таких же. А то ведь окажется на его месте такой вот Холлерг... из молодых, да ранних... он и вино отравить сумеет как следует, и не только это.

Нет уж, пусть лучше талантливые молодые холлерги гры-

зут друг другу глотки за место старого дурака Тоффина, а не за его собственное.

В Ордене хочешь выжить сам – подставь другого. Пусть не ты, а он не выживет. И такая конкуренция лишь на пользу общему делу. Выживают самые сильные, самые талантливые, самые хитроумные, они-то и делают Орден сильнее.

Великий магистр отхлебнул еще вина и принялся в очередной раз продумывать давно разработанный план.

Владыку Зари следовало непременно устранить *до того*, как он умрет самостоятельно. Пообещать ему исцеление, желанную отсрочку смерти – и убить, убить, используя все имеющиеся возможности!

Стоит Владыке Зари умереть самостоятельно, как Заря тотчас найдет себе нового носителя. Хорошо, если мальчишку – а если взрослого, опытного высокого лорда? Тогда прощай все мечты о владычестве. Молодого, полного сил Владыку Зари обычному магу не одолеть никогда, будь он хоть сто раз Великий магистр.

В глубине души Великий магистр даже тешил себя надеждой на чудо – вдруг Заря изберет его самого? Никто же не знает, как это происходит. Вдруг? Уж он бы придумал, на что потратить почти бесконечно долгую жизнь, не стал бы проводить ее в бессмысленных пирах, бесконечных развлечениях и битвах. Если б только Заря выбрала его...

Что ж, шанс есть. Небольшой, конечно. Но если подумать, то и не маленький. Быть может, у нее просто не останется

выхода? Все равно ведь после смерти Владыки разгорится тщательно спланированная резня среди высоких лордов. А когда их останется мало... или даже очень мало... уж он-то постарается, чтоб осталось поменьше... или даже совсем никого... когда к власти придут обычные маги... когда Орден Охраны Зари возьмет на себя ответственность за положение в стране...

Он загонит Зарю в ловушку и заставит... заставит выбрать его!

Что ж, вначале нужно убедить Владыку Зари в своих верноподданнических устремлениях, равно как и в том, что Великий магистр годится на роль великого целителя, а лекарство от смерти все-таки существует.

Великий магистр усилием мысли вызвал личную прислугу, повелев немедленно принести ему наряд, в коем подобало являться перед Владыкой.

* * *

– Ты и впрямь в состоянии сделать то, что обещаешь? – Владыка Зари так пристально и жадно всматривался в Великого магистра, словно душу хотел разглядеть.

Хвала всем Богам, даже высокие лорды на это не способны, а то жить стало бы и вовсе невыносимо. Владыка Зари, конечно, с легкостью может прочесть его мысли, но что это ему даст? На то он и маг, чтоб контролировать свое созна-

ние полностью, на то он и Великий магистр, чтоб понимать, что даже самый глупый Владыка Зари не поверит в искреннюю верноподданность Великого магистра. Так что мысли Великого магистра не были особенно чисты от расчетливых помыслов. Во-первых, Владыка Зари ясно видел, что Великий магистр способен провести такой ритуал дважды, но твердо намерен это скрыть. Потому что второй раз прибег для себя. Во-вторых, ему также было позволено рассмотреть, на что надеялся Великий магистр, предлагая Владыке Зари свою помощь в продлении жизни. Почет, слава, богатство, милости, которыми осыплет его Владыка, все это – да, а еще... а еще Великий магистр очень хотел породниться с высокими лордами. Выдать свою дочь замуж хоть за кого-то из младших. Высокие лорды редко и неохотно смешивали свою волшебную кровь с кем-то из простых смертных, пусть даже со сколь угодно великими магами, – но для того, кто продлил годы жизни повелителя, можно сделать исключение!

Великий магистр прятал эту мысль подо всеми прочими, словно бы скрывая. Он дождался, пока цепкие пальчики чужой магии ухватили ее, немного поборолся и выпустил.

Владыка Зари усмехнулся.

И еще пошарил.

Но никаких других мыслей в голове Великого магистра не было. Лишь невероятно сложные рецепты эликсиров да непомерно закрученные заклятья, требуемые для исцеления от смерти, кои покачивались в глубине сознания, как кораб-

ли на рейде.

– Так ты и впрямь в состоянии сделать то, что обещаешь? – вновь спросил Владыка Зари.

– Да, государь, – склонился тот. – Но... только один раз.

– Один раз? – усмехнулся Владыка Зари. – О чем ты?

И вновь заглянул в глубь потаенных мыслей Великого магистра.

Великий магистр позволил мыслям заметаться в панике, после чего быстренько спрятал мысль о втором возможном разе куда-то в тень.

– То сочетание людей, магии и артефактов, которое для этого потребуется, вряд ли можно будет воспроизвести еще раз, для кого-то другого, – ответил Великий магистр. – Государь, я убедительно прошу вас никому не открывать то, о чем мы с вами договариваемся. А то ведь, сами понимаете, от желающих отбою не будет. И как я смогу объяснить прочим высоким лордам, что не в состоянии им помочь? Я уж не говорю, что всегда найдутся такие, кто захочет опередить вас, государь, и воспользоваться драгоценным даром в собственных целях. А я недостаточно силен, чтобы противостоять высоким лордам.

– Этого от тебя и не требуется. – Владыка Зари чувствовал удовлетворение.

У него еще будет время, чтобы отобрать у Великого магистра его второй раз. А пока достаточно того, что он ничего враждебного не затевает. И ему можно довериться. Как того

и потребует хитроумная магия Великого магистра – полностью. Довериться, чтобы выжить. А то, что маг за это потребует почета, званий и чинов, денег и прочего, да еще и высокого лорда в зятя... выделим! И пусть только какой мерзавец попробует отказаться. Тут же выяснит, что супружеское ложе куда мягче плахи. Можно будет даже предоставить дочери Великого магистра выбор. Или даже самому на ней жениться? Девочка, кажется, красивая? Разве не завидная для простолюдина доля – стать тестем самого Владыки Зари? Неглупая идея. Надо будет попробовать. В конце концов, тесть всегда под рукой. Отобрать у него его собственный «второй раз» куда проще будет.

– Разумеется, я буду молчать, – добавил Владыка Зари. – А ты – поторопись. Надеюсь, у меня достаточно времени, чтобы... но... сам понимаешь...

– Несомненно, государь, – вновь склоняясь, отвечал Великий магистр.

В душе Великого магистра жаркой хищной волной кипела радость, там, глубоко внутри, куда никакой Владыка Зари не дотянется, будь он хоть тысячу раз истинный маг. Все происходило так, как он надеялся. Так, как и должно было произойти.

– Я подумаю насчет твоей дочери, – промолвил Владыка Зари.

Великий магистр вздрогнул и с ужасом посмотрел на Владыку.

– Неужто ты думал что-то от меня утаить? – фыркнул тот.

И Великий магистр подумал, что все прошло замечательно. Все получилось. Даже это. И вновь поклонился. И начал прощаться. У него был серьезный повод поспешить. Ведь чем скорей он приступит к приготовлению волшебного сна-добья, тем скорей закончит.

И Владыка Зари милостиво отпустил его.

«А чтоб отобрать у меня мой «второй раз», тебе сперва придется пережить свой первый!» – злорадно подумал Великий магистр, когда никто уже не мог прочесть его мыслей.

* * *

Кертелин проснулся затемно. Оттого, что кто-то потряс его за плечо и весело проговорил:

– Просыпайся, засоня!

Кертелин открыл глаза и чуть не умер от счастья. За плечо его трясла та самая служаночка, что так приглянулась ему вчера вечером. Грешные мысли тотчас взвихрились в нем буйным хороводом. Сон как рукой сняло. Какой тут сон, когда к твоей постели такая красотка наклоняется?

– Завтракать пора, – сказала она, вдребезги разбивая самые невероятные грезы.

Ох. Это не любовь. Это просто утро настало. Она вовсе не пришла воплотить в жизнь твои сумасшедшие сны. Она просто будит тебя на работу. У-у-у...

«Не валяй дурака!» – прикрикнул старик на молодого.

– Умоешься, наденешь вот это, и приходи на кухню, завтракать, – промолвила красотка.

На постель рядом с Кертелином шлепнулся сверток с одеждой.

– Башмаки я на пол поставила, – добавила она и направилась к выходу.

«Если ты посмеешь вздохнуть ей вслед, я тебе просто нос расквашу!» – пригрозил старик.

«И будешь ходить, как дурак, с расквашенным носом!» – огрызнулся молодой.

«Что ж, по крайности, все будут видеть, что ты дурень, и станут обходить тебя стороной!» – не остался в долгу старик.

Дверь закрылась. Кертелин сел и потянулся к свертку с одеждой.

«Эх, и еще раз эх...»

* * *

Кто бы знал, как это приятно – умывшись и переодевшись во все чистое и даже почти новое, сесть за длинный общий стол вместе с остальными работниками. Впервые за долгое время есть не одному. И суть даже не в том, что ты давно не ел такой вкусной, такой хорошей еды и она как-то сама собой проглатывается в устрашающих количествах, нет, просто сидеть бок о бок с людьми, которым есть до тебя дело,

которым вместе с тобой сегодня работать, им все интересно: и что ты умеешь, и чего не умеешь, и где раньше жил. Насчет «раньше» приходится врать, конечно, в правду-то все равно никто не поверит, да и опасна она, эта правда... А вот насчет всего остального... Ты ведь и впрямь немало умеешь, а теперь, когда у тебя есть то, чего ты был лишен в прошлой жизни, – здоровье, не испорченное магическими эликсирами здоровье... Почти сразу выясняется, что помогать ты будешь всем понемногу, кроме главного повара, которого все зовут Фронсом и который, кажется, изрядный молчун, да и вообще не намерен пускать в свою вотчину посторонних.

– Господин Фронс, а скажите... а как вы считаете, господин Фронс... – то и дело обращаются к нему Ланни, та служаночка, что так тебе приглянулась, и Тармин – другая служаночка, быть может, еще более красивая, если только такое вообще возможно.

– Да, – отвечает господин Фронс.

– Ну, – важно кивает он в ответ на их игривое щебетание.

– Угу, – сообщает он еще кому-то и, словно бы по секрету, добавляет: – Конечно.

«Немедля прекрати жрать за троих! – прикрикнул старик на молодого. – Это невоспитанно! Что о тебе люди подумают?»

«Что я есть хочу, – обиженно откликнулся молодой. – Между прочим, это *твой* голод я утоляю!»

Старик проворчал что-то неразборчивое и заткнулся.

А главный повар, господин Фронс, подмигнул и пододвинул поближе котелок с кашей.

Ты благодаришь, ты накладываешь себе еще порцию, а сам вспоминаешь... нет, не завтрак в кругу семьи, но первый свой завтрак в гильдии магов. Тогда тебя окрыляли такие же радужные надежды... а потом...

«Нет! На сей раз все будет по-другому! Я больше никогда не попадусь так глупо! Так глупо, как ты!» – восклицает молодой.

«Есть множество способов глупо попасться», – вздыхает старик.

– Хорошо кушаешь, – одобрительно говорит господин Фронс. – Молодец.

* * *

Кто бы знал, какое это счастье – вновь быть молодым и здоровым. Таким молодым и здоровым, что тело, кажется, звенит и поет при каждом движении. Какое это счастье – опять быть способным работать! Катать из погреба здоровенные бочки, почти не чувствуя их тяжести. Таскать короба со всяческой снедью так легко, словно они и вовсе ничего не весят. Да что там, ты вполне мог бы ими жонглировать, если бы не боялся, что хозяин осерчает!

Еще совсем недавно тебе было тяжело таскать даже ноги, а твой взгляд не отрывался от мостовой – даже небольшая

колдобина могла стать серьезной трагедией, послужить причиной падения и увечья. Впрочем, увечий и так хватало. Ты слишком хорошо все это помнишь, хотя уже не вполне понимаешь, как же это оно так было? Неужто так могло быть? Тебе кажется, что ты долго болел и вот наконец... Теперь твой взгляд взлетает вверх, едва только представляется возможность, взлетает вверх к новым впечатлениям, то и дело по дороге упираясь в аппетитные фигурки Ланни и Тармин. Впрочем, у девушек и без тебя хватает кому отвечать благосклонностью. А у тебя хватает на что посмотреть и кроме них.

А как потрясающе бывает отправиться с хозяином на рынок! Сесть на повозку вместе с ним, кучером и помощником кучера, смотреть на проплывающий мимо город, на спешащих куда-то по своим делам важных господ, прекрасных дам и блестящих кавалеров, на осенние листья, щедро осыпающие все вокруг и, кажется, тоже куда-то спешащие. А потом, на рынке, слушать, как долго и вкусно торгуется хозяин, как помогает ему кучер, как втихаря высмеивает проходящих мимо горожан его помощник, такой же мальчишка, как ты!

– Эй, смотри, какая тыква пошла! А у того... а у того... нос как картофелина! Вот умора!

Он толкает тебя в бок локтем и, присев, словно бы для того, чтоб поправить башмак, пытается заглянуть под платье проходящей мимо девице. Тебе и так понятно, что ничего у

него не выйдет, платье слишком длинное, но шельмец врет, что очень даже вышло. Ну и ладно, тебе не жалко, пусть его хвастается. Пусть почувствует себя победителем, у него вышло, а у тебя – нет.

– Ты даже не догадался, раззява! Все вы, деревенские, такие увальни! Ты хоть знаешь, откуда дети-то берутся? Наверняка не знаешь! Ничего, я тебя мигом всему обучу. Со мной не пропадешь...

Ну и ладно. В конце концов, его можно понять: до сих пор именно он был в трактире самым младшим работником, а тут такая удача – новенький. Да еще из деревни. Как перед таким себя не показать? Не развернуться во всю ширь?! Пусть знает, деревня!

Торг закончен. Хозяин и торговец ударяют друг друга по рукам.

– Со всем нашим уважением, господин Вагрит! – почти-тельно говорит торговец.

– Взаимно, – откликается хозяин.

Конюх торжественно выдает своему помощнику сочную затрещину «за болтовню и охальничество».

– Пора грузить, – говорит хозяин и первым берется за мешок. Он такой, господин Вагрит, другим отлынивать не позволит, но и сам не станет. Правильный хозяин.

Таскать мешки и ящики, корзинки и коробки, таскать, удивляясь, как мало, в сущности, весят все эти еще недавно столь неподъемные вещи. Таскать, грузить на повозку, со-

ставить аккуратно, как умел когда-то... когда-то нескончаемо давно. А теперь снова умеешь... снова можешь...

Помощник конюха посмеивается над тобой. Ему невдомек, отчего у тебя такое счастливое лицо, когда ты работаешь. Он не может понять, отчего ты с радостью берешься за самые тяжелые мешки.

– Вот деревенщина, – озадаченно чешет в затылке он.

И опять огребает затрещину от конюха, с наставлением:

– Голову чаще мыть надо, а не почем зря пятерней в нее лазить! Он еще и на девушек засматривается, оболтус! Кому ты такой нужен будешь, с растрепанной башкой и неумытой харей?

Впрочем, для него затрещина – дело привычное. Нечто такое, без чего мир если не рухнет, то уж наверняка сильно скособочится. С куда большим удивлением он таращится на то, с какой радостью ты хватаешься за любую работу.

– Ну, как есть деревенщина, – бурчит он. И уверенно добавляет: – Перебесишься.

Ему не понять, а ты и не пробуешь объяснить. Ты и сам не знаешь, как объяснить такое.

Твоя молодость и твоя память... Порой тебя просто разрывает на части. То ты радостно отдаешься своему новому счастью, безоглядно наслаждаясь возможностью снова быть, по-настоящему быть: сильным, легким, веселым, – и в глазах никакая муть больше не колышется! – то вспоминаешь себя прежнего, и все это новое счастье, здоровье, силу хочет-

ся упрятать куда подальше, под какой-нибудь надежный замок. Упрятать, сесть сверху и никому-никому никогда не отдавать. И самому пользоваться пореже, чтоб подольше хватило.

С этим так трудно порой справляться.

«Я так ни разу и не попробовал свою магию в деле!» – сокрушается молодой.

«Зачем тебе магия? – откликается старик, аккуратно нарезая овощи. – Ты и так неплохо справляешься. Хозяин доволен, чего тебе еще?»

«Это тебе ничего не нужно, – вздыхает молодой и берется за новую морковку. – А мне...»

«Хотелось бы заполучить весь мир! – ехидно подсказывает старик. – Так ведь не дадут. Не дадут, можешь мне поверить. А то, что было, – отберут».

«Ты просто трус, старик! – презрительно фыркает молодой. – Трясешься над этой моей... молодостью и здоровьем!»

«Один раз я уже растратил все это впустую!» – сердится старик.

«А теперь собираешься повторить все это еще раз! – Нож врежется в несчастную морковку с такой силой, будто это горло неведомого врага. – Растратить... все это... впустую!»

«Нет уж! На сей раз я не намерен допускать ошибок!» – Короткое движение – и нарезанная морковь летит в заранее приготовленный котелок.

«Собираешься. – Новая морковка водружается на доску

для нарезания овощей. — Только в прошлый раз ты их совершил по глупости, а в этот раз совершишь от трусости!»

«Тебе с твоей молодой горячностью только дай волю — опять все испортишь, — бурчит старик. — А эта твоя вспышка жадности...»

«Это твоя жадность, — откликается молодой. — Я тогда просто не сразу понял...»

«Моя?! — возмущается старик. — Никогда жадным не был! всю жизнь был легким, веселым...»

«Даже когда стал калекой, — подсказывает молодой. — Все верно. А теперь ты получил свое сокровище назад. Быть может, в этом все дело?»

«Не понял...» — честно признается старик.

Не совсем честно. Потому что, если совсем честно, тогда самому надо сказать себе много неприятного. Впрочем... это все равно придется сделать. Раньше или позже.

«Моя молодость отравлена твоей старостью, твоей усталостью и болью, твоим разочарованием...» — говорит молодой.

«Я никогда не завидовал», — упрямо говорит старик.

«А я мог бы никогда этого не делать, если бы не ты!» — откликается молодой.

«Значит, это я тебя подталкивал?!» — возмущается старик.

«Ответь-ка на этот вопрос сам», — безжалостно обрывает спор молодой.

И старику ничего не остается, как с кряхтением накло-

ниться над этим омутом, чтоб выудить оттуда то, что, как он подозревал, лежало там с самого начала. Судорога сознания... «Неужели у меня опять так ничего и не будет?!!»

Крик.

Неимоверный.

Жалобный и страшный одновременно – крик.

НЕУЖЕЛИ У МЕНЯ ОПЯТЬ ТАК НИЧЕГО И НЕ БУДЕТ?!!

ОТДАЙТЕ МНЕ МОЕ!!!

«Твоя молодость отравлена моей старостью, – печально признает старик. – А моя старость получила продолжение и надежду... не совсем честный обмен».

Последняя морковь сыплется в котелок. Пора резать лук.

И делать выводы. Честно.

И не лгать себе больше, хоть это и трудно.

И принимать решения, хоть и очень не хочется.

А слезы... как же все-таки удачно этот лук подвернулся, а то ведь кто-нибудь обязательно спросит!

* * *

Среди прочих стран и государств вольный город Лейен выделялся особо. Древние легенды гласили, что когда-то его населяла иная, несхожая с людьми раса. В конце концов эти существа то ли вымерли, то ли куда-то переселились, а Лейен

так и остался вольным городом. Правят им теперь, конечно, обычные высокие лорды, и маги в городе, разумеется, тоже есть. А еще это город, где происходят все важные встречи и переговоры, заключаются всевозможные сделки и соглашения. Лейен – город мира и торговли, город наук, искусств и ремесел. А еще в нем самые лучшие бордели. Нигде в целом мире больше таких нет. И что тут может быть удивительного, если в один из таких вот борделей вдруг да наведается Великий магистр? Вовсе даже ничего удивительного. Что, раз он маг, значит, и не человек вовсе? Ну, а если в одном и том же борделе совершенно случайно оказалось сразу несколько Великих магистров, опять-таки – что тут такого? Ведь и в самом деле здешние бордели – лучшие. Так-то вот. И разумеется, никому и в голову не придет интересоваться, чем это магистры там занимаются. И так ведь ясно – чем. А если все же кому-то и придет в голову поинтересоваться, на то они и Великие магистры, чтоб никому ничего ни слышно, ни видно не было.

– Уважаемый коллега, вы и впрямь намерены силами одного своего Ордена справиться со всеми высокими лордами в стране? – Великий магистр из вольного города Лейена наконец спросил то, что вертелось на языке у всех остальных.

– Ни в коей мере, – покачал головой Великий магистр королевства Гаэрти. – Я не настолько самонадеян и своевременно озаботился могучими союзниками.

– Например? – удивился Великий магистр соседнего с

Гаэртот королевства Танурга.

— Мы доработали «темный» эликсир, — с затаенной гордостью сообщил Великий магистр Гаэрти. — Некоторые младшие высокие лорды согласились...

Он не договорил, давая собравшимся самим домыслить сказанное.

— Вы собираетесь убивать высоких лордов их же руками! — с восхищением поцокал языком Великий магистр королевства Хеврен. — Какое изящное решение!

— От вас же я бы просил лишь невмешательства, — скромно промолвил Великий магистр Гаэрти. — Ну, или хотя бы не слишком активного вмешательства, если от вас очень уж этого потребуют.

— Еще как потребуют, — пробурчал Великий магистр Танурги. — И не так просто будет даже «не слишком активно вмешиваться». Это у вас Владыка при смерти, а наш, мерзавец, силен и деятелен. Он наверняка сочтет это наилучшим поводом вновь на вас напасть.

— Вот и нападайте, — кивнул Великий магистр Гаэрти. — В конце концов, ничто не цементирует государство столь же хорошо, как война. Быть может, мне даже какие-то высокие лорды присягнут под это дело. Как же — защита страны, родины... под такое дело Хозяину Перекрестков присягнешь, не то что какому-то магу... вы только нападайте так, чтоб мы отбрыкаться смогли.

— Это потребует серьезных затрат, — заметил Великий ма-

гистр Танурги.

– Компенсируем, – пообещал Великий магистр Гаэрти.

– Чем же? Например, «темным» эликсиром? – полюбопытствовал Великий магистр вольного города Лейен.

– Можем эликсиром, – ответил Великий магистр Гаэрти. – Можем – его формулой. Вы, главное, поймите: высокие лорды уже не те, что прежде, так, как раньше, друг за друга не держатся, и если хотя бы нам удастся то, что мы задумали, остальным будет уже легче!

– А что вы станете делать с теми высокими лордами, которые встали на вашу сторону? – полюбопытствовал Великий магистр королевства Пешт. – После победы они вряд ли вам пригодятся.

– Боюсь, они до нее не доживут, – сделал скорбное лицо Великий магистр. – Этот «темный» эликсир – такая вредная для здоровья вещь!

Великие магистры от души расхохотались.

Тайный совет продолжался своим чередом, а наверху, в изумительно украшенных покоех, прекрасные женщины старательно отрабатывали свои более чем высокие гонорары. Им и в самом деле казалось, что они обслуживают клиентов. Более того, именно так показалось бы любому, кто умудрился бы развеять магические пологи от подглядывания и все-таки заглянуть внутрь.

Великие магистры очень уважали конспирацию. Быть может, потому, что конспирация была естественным условием

выживания в данной среде.

* * *

Вечерние улицы прекрасны. Широкие, озаренные огнями городских фонарей и светом из окон трактиров и богатых домов, наполненные веселой, разодетой толпой, звуками музыки и смехом. Они ничуть не напоминают узенькие кривые улочки бедных кварталов, освещенные лишь светом луны да редкими факелами случайно оказавшихся в подобных тупиках зажиточных горожан.

Тебе повезло. Ты теперь здесь, а не там. Всего лишь мальчик на побегушках в богатом трактире у доброго хозяина, господина Вагрита. Всего лишь... Даже не слуга. Право сделаться настоящим трактирным слугой еще заработать надо. Однако на тебе – впервые за долгие годы – удобная и теплая одежда. На ногах – замечательные легкие башмаки. После того, что ты носил все эти годы, – просто невероятное ощущение. Ты сыт, весел, у тебя легко на душе. Ты даже почти примирился, что Ланни на тебя не смотрит. То есть смотрит, конечно, – как на помощника в работе. Как на того, кто должен вовремя приносить ей с кухни подносы, чтоб она могла красиво подавать их на стол, перешучиваясь и кокетничая с посетителями.

Ты идешь, любуясь вечерними улицами, радуясь этой нечаянной возможности. У тебя не так много времени, чтоб

наслаждаться всей этой красотой. По вечерам ты обычно занят. Трактир есть трактир. Это повара и служанки сменяют друг друга, это помощник конюха может дрыхнуть среди бела дня, пока его не пнут, а мальчик на побегушках может понадобиться в любую минуту. Тебе, конечно, дадут поспать, но вот полюбоваться вечерним городом... ты ж не лорд какой, чтоб созерцаниям предаваться, верно?

Это маленькая удача, что хозяину понадобилось срочно отправить деловое письмо господину Хестринфу, а помощник конюха, которого обычно посылали с такими поручениями, сегодня вечером занят по горло.

В трактире важные гости. Иностранцы. Приехать изволили верхом. Конюх с ног сбился, всех этих иностранных коней обустраивая. Нынче он без помощника как без рук! А вот без тебя в трактире сегодня обойдутся. Хозяин с женой гостей сами обслуживают, Ланни и Тармин им помогают. Так что... кого и посылать с письмом, как не тебя? Именно так тебе хозяин и сказал:

– Давай, Кертелин! Сегодня я за тебя поработаю.

Все остальные зовут тебя – Крэллин, и только хозяин величает полным именем. Ты не знаешь почему, но... как-то неудобно спрашивать.

Ты идешь, любуясь вечерними улицами, сворачиваешь в последний раз и стучишь в резную деревянную дверь.

– Кто там?

– Письмо господину Хестринфу от господина Вагрита, –

отвечаешь ты как положено.

– Это ты, Крэллин? – дружелюбно доносится из-за двери.

Пару раз ты сюда уже приходил, тебя помнят.

– Это я, Инхес, – отвечаешь ты.

Старый слуга господина Хестринфа открывает дверь. Ты отдаешь письмо. Он подмигивает:

– Отдыхаешь сегодня, Крэллин?

– В трактире полно важных типов, – отвечаешь ты. – Иностранцы какие-то. Деревенского балбеса на всякий случай выставили.

– Ага, – кивает Инхес. – Господин Вагрит небось сам...

– Угу, – соглашаешься ты. – Вдвоем с женой. И Тармин с Ланни. Куда уж мне...

– Эти иностранцы как нарочно приехали, чтоб тебе отпуск устроить, – ухмыляется Инхес.

– А то, – говоришь ты. – Догадались, что мне отдохнуть охота, и приехали.

– Ладно, заходи... да подожди тут. Вдруг сразу ответ будет, – говорит он.

Тыходишь, тщательно вытирая ноги, Инхес захлопывает дверь и удаляется с письмом, оставив тебя любоваться роскошно обставленной прихожей дома господина Хестринфа.

Впрочем, он возвращается довольно быстро.

– Вот ответ.

Он протягивает тебе другое письмо. Ты прячешь его за пазуху.

Городские улицы вновь распахиваются перед тобой.

«Нашел на кого засматриваться, босяк!» – беззлобно бурчит старик, но ты все равно любишься юной аристократкой, гордо шествующей мимо тебя в сопровождении свиты. Что ж, старик любит вместе с тобой. Она и впрямь прекрасна. А то, что он бурчит... по привычке, не иначе.

«И вовсе я не босяк!» – отвечаешь ты, гордо притопывая ногой.

И спотыкаешься, и падаешь... а когда встаешь... у твоих новых башмаков... у твоего правого нового башмака... отломился каблук. Вот так вот.

– Ох... – растерянно говоришь ты. – Да как же это...

Вот и вопрос, как теперь быть? Скакать на одной ноге до хозяина, снять башмаки и дойти до трактира босиком или...

«И зачем я только засмотрелся на ту расфуфыренную дуру?!» – досадуешь ты. Она, конечно, не расфуфыренная и не дура, но... что ж теперь делать-то?

«Здесь. Совсем недалеко, – припоминает старик. – Рукой подать. Всего каких-то пару переулков да три подворотни отсюда». Но...

«Хозяин Подворотен!» – высказывает твой страх старик.

«Я всего вторую неделю работаю, – возражает молодой. – Не могу же я явиться с испорченным башмаком! Хозяин решит, что от меня вреда больше, чем пользы».

«Я когда-то умел чинить башмаки», – заявляет старик.

«Инструмента нет. Времени – тоже. Нам нужно срочно до-

ставить письмо хозяину».

На миг ты замираешь совершенно неподвижно, а потом решаешься.

«Ну что такого может случиться, в конце-то концов!»

Богатые улицы быстро остаются позади. Здесь еще горят какие-то фонари, но улочки становятся все более узкими и кривыми. Здесь еще может проехать повозка, а вот богатый экипаж непременно застрянет. Ты ныряешь в очередную подворотню, башмаки ты все-таки снял, и... оказывается, за это время ты отвык ходить босиком. Правда, и холодно уже, с осени на зиму даже последний босяк стремится завладеть хоть какой-то обувкой. Ты торопишься к уличному сапожнику. На центральных улицах таких нет, а вот в кварталах победнее... Мало ли, у кого каблук треснул или подметка на ходу отлетела? Тебе хорошо известно, где именно обретается ближайший уличный сапожник. Ты не раз просил подаяния неподалеку от его постоянного рабочего места. И у тебя вполне хватит карманных денег, чтоб оплатить его труд. Еще одна подворотня и...

«Стой!» – с ужасом кричит старик.

Но ты и сам уже замер как вкопанный. Потому что в подворотне... кого-то убивают. Ледяные взмахи стали раз за разом опрокидывают наземь пытающуюся подняться фигуру.

– Бей! – сладострастно выхаркивает кто-то.

– Лупи гада! – хрипит другой.

– Не уйдет, падла!

Четверо городских разбойников из шайки Четырехпалого втыкают и втыкают ножи во все еще барахтающуюся на земле фигуру.

Нужно бежать. Нужно немедленно скрыться отсюда. Этим... им все равно, что твой хозяин – сам Вагрит. Они, кроме своего Четырехпалого, которого пуще смерти боятся, только Хозяина Подворотен и признают, а всех остальных... Да они бы самого Владыку Зари зарезали, если б сил хватило! А уж какого-то там трактирного слугу...

Нужно бежать. Бежать нужно. А пальцы левой руки сами собой хватают воздух, скатывая его в пригодный для вырезания руны комок, правая рука привычно достает из ниоткуда незримый для прочих рунный нож, глаза перестраиваются, взгляд проникает глубже, превращая размытые движением тела в переплетение тонких линий, схватывая истинную суть четверых мерзавцев, переставая видеть их самих, начиная взамен этого видеть на их месте четыре руны... так вот как они выглядят! Нож вырезает одно за другим четыре подобия, внося в тонкую вязь необратимые, несовместимые с жизнью и злодеяниями изменения...

«Что ты делаешь?! – одновременно выдыхают старик и молодой, с ужасом глядя друг на друга. – Зачем? Все равно этого несчастного уже не спасти!»

И точно, незнакомец корчится на земле, зажимая руками страшную рану в животе. Искусство исцеления рунами – самое сложное. Твой учитель не умел этого делать и тебя не

учил.

Зачем? Зачем это все? К чему связываться с этими мерзавцами? За них ведь найдется кому отомстить. А если маги что-то пронюхают?

Зачем?!

Ты никому здесь уже не поможешь! Поздно.

Но четыре руны уже брошены, одна за другой они покинули руку. Метатели рун никогда не промахиваются, это попросту невозможно, ибо руна сама стремится к объекту воздействия. Четыре руны брошены и нашли цель. Тела разбойников растекаются лужами грязной воды. Ты не хочешь оставлять после себя мертвые тела, и у тебя нет времени придумывать что-то особенное.

Ты сделал самое простое, что только можно. «Живая плоть, как это ни странно, ближе всего именно к воде...» – говорил твой учитель. В воду ты их и превратил.

«Убил, – безжалостно поправляет старик. – Ты их убил».

«Верно, – огрызается молодой. – Убил. И теперь они уже никого больше не убьют! Хочешь сказать, что я не прав?»

«Нет, – отвечает старик. – Не хочу».

«Тогда чего ты ко мне прицепился?» – раздраженно интересуется молодой.

«Я не прицепился, – занудствует старик. – Я всего лишь уточнил твои слова».

«Уточнитель нашелся!»

«Должен же ты осознавать свои поступки, – продолжает

упорствовать старик. – А то так ведь и во вкус войти можно. Сегодня одного «превратил», завтра другого... так и самому недолго в разбойника превратиться...»

«Ладно. *Я их убил*. Ты доволен?»

«А ты?»

«Я? Да, я доволен, что эти мерзавцы больше ни на кого не нападут! И не вижу в этом ничего для себя зазорного!»

Ты стоишь на краю лужи... на краю лужи, еще так недавно бывшей плотью. Нет, тебе не стыдно и не жаль этих мерзавцев. Только... немного не по себе. Это оказалось так просто. Вот ведь миг тому назад они были... здоровенные, страшные... а теперь их уже нет... а вместо них – вода. Вода, и больше ничего...

Сегодня никакого дождя не было. И вчера – тоже. То-то удивятся здешние жители, с утра пораньше обнаружив у себя во дворе здоровенную лужу. И мертвеца в ней. Мертвеца с развороченным брюхом. Тебе не спасти его. Странно, что он вообще еще шевелится. А еще страннее то, что он молчит. Ни звука. Впрочем, кажется, он уже больше не двигается. Или все-таки? Быть может, стоит позвать на помощь? Вдруг его еще спасут?

«Надо убираться отсюда, – думаешь ты. – Немедленно убираться. Сейчас кто-нибудь войдет и увидит меня здесь... и решит, что это я его...»

«А сапожника все равно на месте не окажется. Что он – совсем дурак, на улице торчать, когда тут такие дела?»

«Уходить. Уходить нужно», — думаешь ты. А потом подходишь и наклоняешься над трупом.

Да. Это и в самом деле труп.

Он не дышит и не двигается.

Вместо этого он открывает глаза.

— Какая забавная встреча, юноша, — говорит он, и ты с ужасом понимаешь, что уже сталкивался с ним. Совсем недавно сталкивался.

— Зря вы тогда не пошли со мной, юноша, — продолжает он, а раны на глазах начинают затягиваться. Даже та чудовищная рана на животе. — Это было бы интересно, — продолжает он. — Впрочем, то, что я увидел сейчас, тоже интересно... не так ли?

— Да... — слабым голосом подтверждаешь ты.

«Это он... он... тот самый посетитель трактира!» — гулко стучит в голове.

«И у него затягиваются раны... такие раны, которые... он ведь совсем мертвый был... а теперь... на такое только высокие лорды способны!» — с ужасом рассуждаешь ты.

«Кто-то из младших братьев!» — безжалостно уточняет рассудок, и ты вспоминаешь страшные истории, связанные с бесящимися от скуки младшими отпрысками благородных семейств.

— Вы их убили... очень интересным способом, — говорит он, и ты вздрагиваешь.

«Если он донесет магам!» — думаешь ты.

– Что за вздор? – морщится он и садится. – Доносить магам? За кого вы меня принимаете? Каким-то магам? Я?! Чтоб они испортили мне все развлечение? Нет уж, я не намерен делиться с этими ничтожествами!

«Он читает мои мысли!»

– Да разве это можно назвать мыслями, юноша? – кривится он. – Чтобы иметь мысли, нужно быть человеком. Как я.

– Высокий лорд... – жалобно лепечешь ты.

– Ну? – надменно откликается сидящее в луже чудовище.

– Мне нужно идти...

Жалкая попытка. Конечно, он не отпустит. Он только начал развлекаться.

– Стойте, где стоите, юноша! – повелительно бросает он. – Я лучше знаю, что вам нужно, а что – нет.

– Но высокий лорд... – еще раз пытаешься ты.

Самое время готовить еще одну руну. Пятую.

– Молчите. Вы и без того прервали мое развлечение, – капризно морщится он. – Впрочем, вы развлекли меня несколько иным способом. Я еще не видел такой магии. Я даже не успел уловить принцип. В чем он?

Левая рука вновь лепит руну из воздуха. Зачем рассказывать о том, что можно показать? Тем более что рассказывать потом будет уже некому. Ты уже видишь своего собеседника тем особым способом, который все на свете превращает в переплетение линий, образующих руну. Твоя правая рука уже нащупывает рунный нож...

«Сможешь ли ты убить высокого лорда? Справишься ли?»

– Не сможете, – ухмыляется он. – Не справитесь.

Он прочел твои мысли, но даже не пытается как-то защищаться, принимать какие-то меры. Настолько уверен в своих силах? В своем превосходстве? Что ж, есть только один способ проверить, можно ли убить высокого лорда...

Руна режется легко и быстро. До чего же примитивное существо с точки зрения рун этот самый высокий лорд! Даже разбойники были сложнее. Или это показалось из-за спешки? Из-за того, что их все-таки было четверо?

– Проклятье! – вдруг дергается он. – Опять нам мешают!

– Мешают, ваша милость? – переспрашиваешь ты, сжимая руны кончиками пальцев.

– Ничего, юноша, – подмигивает он. – Еще встретимся.

А потом исчезает. И вместе с ним исчезает подворотня. Ты вдруг оказываешься у дверей трактира. В руках у тебя письмо, а на ногах – совершенно целые башмаки. Почему-то это ошарашивает тебя больше всего.

«Может, мне это все прибрелось?»

«Ага. И руна в руке – тоже».

Руна. Вновь, как и тогда, – бесполезная. Словно бы сама судьба бережет высокого лорда от смерти.

«А башмаки он мне на ходу, при помощи магии починил, так, что ли?»

Или проклятый каблук и не ломался вовсе? Это только показалось, что он сломался, тогда как на самом деле... на

самом деле просто нужен был повод, чтоб заманить тебя в эту подворотню и выяснить, как работает твоя магия. То, что ты ею обладаешь, это он небось с первого раза выяснил. И не зарезать он тебя хотел. Совсем другой у него был интерес. Это для обыкновенных магов твоя тайна является тайной, а для истинных – кто знает? Вдруг для них это у тебя все равно что на лбу написано?

Ты вновь комкаешь в руке несбывшуюся смерть, комкаешь до тех пор, пока она не осыпается наземь безвредным пеплом. Безвредным и незримым для прочих.

Потом ты тяжело вздыхаешь и несешь хозяину письмо.

От того, что с тобой только что приключилось, ты даже не в ужасе. Ты потрясен настолько, что ужас попросту где-то потерялся.

Тебя больше не пугают заглянувшие в трактир высокие иностранные гости, ты не боишься сбиться и что-нибудь напутать, тебя не смущают прекрасные Ланни и Тармин, а на хозяина ты и вовсе смотришь как на равного. Тебя не отпускает ощущение, что все, что здесь с тобой происходит, не является больше таким уж значительным, все это мелочи по сравнению с тем, что ты смотрел в глаза истинного мага и остался тем не менее жив.

* * *

Радость от того, что ты выжил, согревает тебя недолго.

Высокий лорд знает, где тебя можно найти! А то, что хозяин отстоял тебя в прошлый раз, не говорит, что ему снова удастся это. Он ведь не знал тогда, с кем спорил. Высокий лорд не пожелал раскрыть свое инкогнито. Но тогда его заинтересовал просто мальчишка, бродяжка, чьими мучениями можно наслаждаться, не опасаясь вызвать гнев старших высоких лордов. Теперь же...

Рунная магия!

Он увидел. Понял. Запомнил.

Он захочет ее заполучить.

Станет ли он и дальше скрываться под маской горожанина?

«Он сюда не придет!» – Ты то и дело озираешься по сторонам, и сами стены трактира, столь надежные еще так недавно, кажутся зыбкими и призрачными.

«Он сюда не придет?!» – насмешливо ухмыляется кто-то незримый, прячущийся за всеми углами сразу.

«Не придет... не придет... не придет...» – откликается призрачное эхо.

«Может, он и сейчас здесь!» – Ланни едва успевает подхватить поднос, который ты ей протягивал, да чуть было не уронил.

«Он придет. Он сказал, что придет».

«Еще встретимся...»

Ланни мгновение смотрит на тебя, удивленно приподняв бровь, а потом отходит обратно к посетителям, с каждым

шагом все больше преображаясь в нечто обворожительное. Сегодня она еще прекраснее, чем всегда. Но ты не можешь смотреть на нее, думать о ней, любоваться ею, ведь ты все время думаешь *о нем*. О его последнем обещании.

Его самого нет в трактире, да и не стал бы он приходить сюда в подранной ножами одежде и весь перемазанный кровью... кто знает, где он сейчас, мерзавец, оказавшийся истинным магом, высоким лордом из младших, кто знает, где он сам, но его голос остался с тобой, он свисает с твоих плеч, как плащ, спокойный такой, уверенный в себе голос: *«Еще встретимся...»*

Трактир буквально кипит. Он полон посетителей. Работы много, только успевай работать, но прежней радости она уже не приносит. Какая тут радость, когда такое...

– Эй, Крэлин, ты чего куксишься? – подошедшая Тармин ощутимо задевает тебя бедром.

Еще так недавно ты бы от счастья умер, а теперь...

– Да нет, ничего, – отвечаешь ты. – Так что-то...

– Может попросить хозяина, чтоб отпустил тебя прилечь? – заботливо смотрит на тебя освободившаяся Ланни.

– Да нет, девчонки... – бормочешь ты. – Что вы, в самом деле... ерунда это, сейчас пройдет...

– Шел бы ты и в самом деле прилег. Я даже Ланни ненадолго отпущу, одеяльце тебе поправить! – подмигивает появившийся словно из-под земли хозяин. – Может, тебе лекаря позвать? – заботливо добавляет он.

Ты смотришь на них. На всех троих. И наконец понимаешь, что тебе нужно делать.

Они ведь ни за что все страдают... ни за что... особенно хозяин... он и тогда заступился, и теперь попробует... вот только... он же не знает, кто таков этот проклятый мерзавец... а если б даже и знал – все равно заступится... а тогда – все! Если младший высокий лорд хочет что-то получить... если это не место его отца или старшего брата – с ним не станут спорить... просто не станут... даже если это чья-то жизнь... или несколько жизней... подумашь, какие-то простолюдины...

Ты представляешь Ланни, нежную и прекрасную Ланни, в лапах этого убийцы, и тебе становится окончательно нехорошо...

– Господин Вагрит, – говоришь ты хозяину. – Мне нужно с вами поговорить. Это – срочно. И очень важно.

– Я слушаю, – удивляется хозяин.

– Не здесь, – отвечаешь ты.

– Хорошо. – Хозяин ведет тебя за руку в маленькую камеру, где хранятся метлы. – Здесь тебя устроит?

– Нет, – качаешь головой ты. – Не устроит. Это и в самом деле важно. И страшно.

– Вот как? Тогда идем в кладовую, – решительно говорит хозяин. – Ветчина не подслушает. Но, будь любезен, изложи все кратко и четко. Сам видишь – времени у нас сегодня в обрез. Эти иностранцы...

– Так кто тебе угрожает? – едва закрыв за собой дверь, спрашивает хозяин. – Эти мерзавцы все-таки нацелились на мой трактир? Чего они от тебя требуют?

Ты ошарашенно смотришь на хозяина.

«Какие еще мерзавцы?»

Зловеще ухмыляющийся младший высокий лорд заслоняет от тебя весь остальной мир. Ты просто не можешь поверить, что существуют какие-то другие мерзавцы.

– Нет, – неуклюже бормочешь ты.

– Что – нет? – удивленно переспрашивает хозяин.

– Не они, – говоришь ты.

– Что значит – не они?! – непонимающе хмурится хозяин. – А кто же тогда? Не хочешь же ты сказать, что на мой трактир сразу две банды нацелились?

– Я не знаю, о ком говорите вы, господин Вагрит, но это не они уже хотя бы потому, что он один, – отвечаешь ты.

– Один? – переспрашивает хозяин. У него, кажется, отлегло от сердца. Эх, а ты сейчас опять все испортишь... вот только – делать нечего...

– Помните того типа, с которым я чуть было не ушел? – спрашиваешь ты в ответ.

– Еще бы, – откликается хозяин. – Конечно, помню. Такого гаденыша трудно позабыть сразу. Он что – опять к тебе

приставал? Угрожал чем?

– Он – истинный маг, – говоришь ты так, чтоб уж сразу всю правду, чтоб хозяин понял. – Он – младший высокий лорд...

– Что ты выдумываешь?! – хозяин испуганно оглядывается на дверь. – С ума сошел – болтать такое?!

– Это правда! Когда я пошел относить ваше письмо, у меня на обратном пути сломался каблук... – Ты рассказываешь все. И, разумеется, врешь. Четверо головорезов превращаются в твоём рассказе в двоих, а твоё магическое искусство – в здоровенную дубину, которую тебе удалось подобрать во дворе. – Я думал – он мертвый... а он... он развлекался так... – испуганно договариваешь ты. – А потом я оказался у трактира. Сразу оказался. И башмак сам собой починился.

Хозяин долго смотрит на тебя и молчит.

Поверил?

Не поверил?

– Иди в свою комнату и ложись, – наконец говорит он. – Ты нездоров, у тебя лихорадка... дверь запрешь изнутри. Никого, кроме меня, не пускай... даже Ланни. Мало ли, – хозяин трогает защитный амулет у себя на шее. – Завтра с утра я выясню все, что можно, и решу, как быть дальше...

Ты бредишь в свою каморку и действительно запираешься. Тебе немного легче от того, что дверь заперта, хотя... истинные маги могут ходить и сквозь стены. Защитить кого-то

от истинного мага могут только другие истинные маги. Если захотят. Хозяин может, конечно, обратиться с жалобой к высоким лордам, вот только... станет ли он это делать ради тебя? Младшим высоким лордам их старшие братья не позволяют особо бесчинствовать, вот только... какой-то мальчишка без роду-племени – разве это «особо»? Ты утыкаешься носом в подушку, ты накрываешься одеялом с головой, но тебе все время кажется, что на тебя кто-то сморит. Ты вылезаешь из-под одеяла и забиваешься в угол, но это помогает мало. Сами стены кажутся какими-то призрачными, и хорошо знакомый тебе взгляд легко проникает их насквозь. Ты не можешь отделаться от ощущения, что стена, к которой ты прижался, смотрит в тебя и вот-вот проглядит в тебе дыру...

* * *

Ты просыпаешься от стука в дверь.

«А Ланни так и не пришла...» – мельком думаешь ты, но это уже не вызывает никакого сожаления. Ты ведь и так знал, что она не придет. Ни разу ведь не приходила. Это хозяин почему-то так сказал.

«Он подумал, что ее могут привести насильно! – вдруг с испугом соображаешь ты. – Истинный маг мог бы вселиться в ее тело, надеть его, словно одежду, и прийти ко мне под дверь... и я бы открыл, как последний лопух... и обнял бы ее... и прижался бы к ней... и все остальное – тоже... а потом

она открыла бы глаза и... из них на меня посмотрел бы он!»

— Кто там? — спрашиваешь ты, с ужасом ожидая услышать знакомый звонкий голосок.

— Это я, Крэллин, — отвечает господин Вагрит. — Открой. И ты вздыхаешь с облегчением.

Хозяин заходит и запирает за собой дверь. В руках у него туго набитый дорожный мешок. «Так. Кажется меня выставляют».

— Крэллин, — говорит господин Вагрит, и ты поднимаешь голову. Поднимаешь и смотришь в глаза хозяина.

Хозяин всегда называл тебя полным именем!

— Я же говорил, что мы еще встретимся... — чужим голосом произносит хозяин.

Его открытые глаза открываются еще раз.

Ты не можешь кричать. Ты не можешь убежать прочь. Ты вообще ничего больше не можешь. Ноги прирастают к полу. Тело каменеет, пропадают все звуки, и лишь безмолвие грохочет в ушах. Тот, кто пришел, неподвижно замер напротив тебя, он застыл, как мертвый, он недвижим, как мебель, как стена, и только глаза... живые и страшные, они отделяются от лица и приближаются к тебе...

С лица господина Вагрита на тебя взирают безумные глаза истинного мага.

Нет! Не взирают. Они летят к тебе! Еще немного и...

Ты просыпаешься от стука в дверь.

Все это тебе всего лишь приснилось. Всего лишь?

– Кто там?

Произнести эту фразу стоит большого труда. Потому что ты и без того знаешь – *кто*.

Разумнее было бы промолчать. Разумнее было бы просто сбежать. Вот только... из твоей каморки все равно нет другого выхода, кроме двери. А за дверью... за дверью стоит он.

– Это я, Кертелин... открой...

На ватных ногах ты подходишь к двери. Открываешь ее и...

В руках у господина Вагрита *точно такой же мешок!*

Точно такой же!

Да и сам он... нет, сам он все-таки другой. Настоящий.

Или нет?

«Он назвал меня полным именем! Как всегда!»

Ты пытаешься успокоиться, уговорить самого себя не сходить с ума, но что-то внутри успокаиваться не желает.

«Быть может, высокий лорд просто исправил свою ошибку?»

«Это был сон! Сон! – рычишь ты сам на себя. – Не было никакого высокого лорда! Не было! Мне это все приснилось! Просто приснилось! А теперь я проснулся!»

«Ты действительно уверен, что тогда был всего лишь сон?»

«Ты и в самом деле считаешь, что сейчас ты проснулся?»

Ты смотришь в глаза господина Вагрита, с ужасом ожидая, что они вот-вот откроются вновь...

Не в силах удержаться, ты подходишь к нему, подходишь и прикасаешься, осторожно, словно боясь обжечься, трогаешь его рукой.

– Ты чего это? – недоуменно хмурится хозяин.

– Настоящий! – блаженно выдыхаешь ты. – Господин Ва-
грит! Вы – настоящий!

– Да уж, не игрушечный, – бурчит он. – Впрочем, и дела у нас с тобой – не игрушечные. А с чего ты вдруг решил, что я не настоящий?

И ты рассказываешь ему свой сон. На сей раз тебе даже врать не надо. Во сне ведь ничего не было про руны. Во сне ты про них просто не помнил. Ты забыл, забыл, что способен защищаться! Наяву ты всегда помнишь о своем мастерстве. То, что ты вновь помнишь о рунах, утешает тебя. Значит, то был просто сон. А если даже и нет, по крайней мере теперь ты почти уверен, что твой хозяин сейчас и в самом деле – настоящий... если бы еще не это самое *почти*... но тут уж ничего не сделаешь...

– Признаться, вчера я сперва подумал, что у тебя горячка, – говорит хозяин после долгого молчания. – А потом, грешным делом, и вовсе решил, что ты малость того... – Он недвусмысленно стучит себя по лбу согнутым пальцем. – Однако когда я кое-что выяснил про того типа... – Он виновато вздыхает и выдвигает вперед туго набитый дорожный мешок.

Вот так. А на что другое ты мог надеяться?

– Я... благодарен вам... за доброту, за то, что заступились тогда... – говоришь ты.

– погоди, – морщится хозяин. – Я тебя тогда на улицу не выставлял и теперь не выставлю. То, что этот засранец – высокий лорд, еще не значит, что я до обморока напуган. Раз я тебя на работу взял, значит, ты теперь – мой человек. А я своих людей всяким там засранцам, будь они хоть трижды высокие лорды, отдавать не намерен! Отцы с дедами такого не делали и мне не заповедали!

По ходу этой маленькой речи хозяин распаляется. Под конец он и впрямь выглядит величественно и грозно. Не хуже высокого лорда. Вот только...

– Истинного мага грозным прищуром не напугаешь, – печально говоришь ты.

– А я и не собираюсь его пугать, – ухмыляется хозяин. – Это высокий лорд пугает трактирщика. Работа у него такая – меня пугать. И я, разумеется, пугаюсь... чтоб ему обидно не было. А пока он меня пугает, я его обсчитываю... чтоб знал, как добрых людей обижать.

Ты смотришь на хозяина. Один раз он уже сотворил чудо – спас тебя от гибели... или от чего-то много худшего, чем гибель... кто знает, что способен сотворить с человеком скупающий высокий лорд?

– Я намерен обсчитать этого клиента, – продолжая ухмыляться, сообщает хозяин. – Значит, так! Теперь слушай внимательно: в мешке кой-какая еда, смена белья, запасная

куртка, еще одни штаны и теплый кафтан. Кроме того, – хозяин извлек из-за пазухи кошель. – То, что ты у меня заработал, плюс еще недельное жалованье, этого должно хватить... и, наконец, самое главное, – он вновь полез за пазуху и достал два бумажных пакета. – Вот этот – запечатанный! – письмо моему давнему другу Тэйн. Тэйн, он в столице и тоже трактирщик. В письме я прошу его оказать тебе помощь и содействие. Я не пишу, в чем именно. Мало ли, в чьи руки оно может попасть? Сам все расскажешь. Можешь ему верить, как мне самому. Он – человек надежный. А в этом... – Второй конверт ложится тебе на ладонь. – В этом я пишу, что посылаю тебя в столицу к своему деловому партнеру, дабы ты перенял у него секрет приготовления особо вкусных пирогов с грибами. Этот можешь показывать страже и всем прочим облеченным властью. Для того и писано. Только смотри, не перепутай. Оба конверта и кошель с деньгами оказываются у тебя.

– Но это же означает... – Ты и в самом деле потрясен.

– Что я тебя не увольняю, – кивает хозяин. – Не выгоняю. Напротив, посылаю в столицу, с тем чтоб ты чему-то путному научился. А уж то, что ты решишь потом, плененный красотами столицы, остаться у моего друга... и сумеешь его упросить... то, что мы с ним потом полюбовно обо всем договоримся... это ведь и вовсе никого не касается, верно?

– Но, господин Багрит... – пытаешься возражать ты. – Ваш друг, господин Тэйн... мы же подвергнем его опасно-

сти...

– Господин Тэйн не боится высоких лордов, – отвечает хозяин.

– Не боится? – переспрашиваешь ты.

«Он, должно быть, сошел с ума, этот доблестный господин Тэйн. Совсем как твой хозяин... которому, казалось бы, чего уж проще – взял бы вот и выгнал мальчишку на улицу, раз от него такие проблемы. Или – подождал высокого лорда, извинился и сдал с рук на руки. В самом деле, чего возиться-то?»

«По себе судишь?» – глядя друг другу в глаза, сурово спрашивают молодой и старик. И оба опускают взгляд.

– У господина Тэйна была очень интересная молодость, – говорит хозяин. – Да и зрелость – тоже. Ты о «Старших Братьях» что-нибудь слышал?

И все становится на свои места.

Еще бы ты о них не слышал! О них разве что совсем уж тупая деревенщина не слышала.

Кто может остановить высокого лорда, кроме другого высокого лорда? Кто схватит за руку преступного истинного мага, кроме равного ему по силам?

Мага крови может остановить только другой маг крови. Обычный маг, даже наглотавшийся эликсиров по самые брови, все равно с ним не сладит. Вот только у старших лордов хватает дел и без того, чтобы постоянно приглядывать за многочисленными отпрысками. Поэтому за младшими сы-

новьями приглядывают другие.

Высокие лорды, истинные маги этого мира, живут долго, не меньше тысячи лет. И все это время остаются бодрыми и деятельными. И если старшие в роду обладают реальной властью, если их первенцы старательно помогают отцам в надежде когда-нибудь занять их место... удел младших – беситься от скуки, не находя выхода, не имея возможности реально приложить свои силы. Хоть магические, хоть обычные. Им просто некуда себя девать, а когда могущественному магу некуда себя девать, последствия могут быть самыми плачевными.

Бесчинствами и злодеяниями младших высоких лордов пугают детей, о них по вечерам рассказываются леденящие душу истории. Боги, охраните меня от греха и младшего лорда, молятся простолюдины, выходя на улицу. Заговоры, восстания и преступления младших высоких лордов не раз сотрясали этот мир.

Вот для того, чтобы такого не случилось или хотя бы случилось как можно реже, и существует особая служба – «Старшие Братья». Высокий лорд, поступающий в такую службу, отрекается от всего, что он имел раньше. Прежде всего – от власти или надежды на власть. Даже если он старший сын – отцу он не наследует. Его ждет совсем другое...

Впрочем, злые языки утверждают, что «Старшие Братья» отрекаются от власти ради еще большей власти. Злых языков, понятное дело, немного.

Охотно идут в службу и перебесившиеся младшие высокие лорды, уставшие от безделья и бесплодных попыток устроить заговор против отца или отравить старшего брата. Говорят, что нет ни одного младшего высокого лорда, хоть раз не попытавшегося устроить заговор, как нет и ни одного удавшегося заговора. Служба бдит. Короткие черные плащи, черные полумаски и мерцающие пояса видно издалека, и не у одного младшего высокого лорда начинают дрожать руки, едва он завидит это мерцание. Все «Старшие Братья» одеваются одинаково. Ты никогда не можешь знать, кто рядом с тобой – глава службы или рядовой исполнитель. Равно как и то, что именно он о тебе уже знает. Лучше заранее полагать, что ему известно *все*.

Прочие высокие лорды их побаиваются, а многие младшие откровенно ненавидят. Впрочем, «Старшим Братьям» наплевать на чужую ненависть. Они не ищут ничьей любви. Они охраняют порядок. Закон. И даже Совет высоких лордов вынужден с ними считаться. Лишь перед Владыкой Зари склоняют они свои головы. Но и он не посмеет нарушить издревле принятые законы, зная, что бдительная служба – рядом.

Впрочем, служат в ней не только высокие лорды, но и обычные люди. Причем крестьянина, ремесленника или воина на эту службу возьмут, даже слугу возьмут, если окажется достоин, а вот купца, крупного землевладельца, мага, чиновника, главу гильдии или старшего воинов – нет. И ничего

с этим не сделать, никак это положение вещей не изменить. Таков издревле принятый Закон. А служба ведь именно этим и занимается – охраняет законность.

И если младших высоких лордов, сменивших тонкие шелка на короткий черный плащ, черную полумаску и мерцающий пояс, бояться, ненавидят и презируют прочие младшие, то обыкновенных людей, коим повезло в этой службе оказаться, – напротив, уважают безмерно. Хотя бы потому, что отбор в службу – жесточайший. И быть крестьянином, ремесленником или воином – совершенно недостаточно, чтобы в ней оказаться. А потом... служить на равных с высокими лордами – это ли не честь! Охранять порядок, правосудие и законность – это ли не благо! К кому еще бежать обычному человеку, если его притесняет младший высокий лорд?

Люди, конечно, ничего не могут противопоставить истинному магу, ведь даже обычные маги не могут, но когда-то давно, на заре существования службы, один из истинных магов, участвовавших в ее создании, открыл способ, как сделать обычного человека практически нечувствительным к любой магии вообще. С тех пор секрет так и не вышел из недр службы. Никто не знает, какими заклятиями для этого пользуются, но любой простолюдин, поступающий на эту службу, навсегда, до самой смерти, защищен от любого магического воздействия. А значит, вполне способен ухватить за шкуру любого расхोдившегося младшего лорда. И ничего ему за это не будет. Ни от самого лорда, ни по закону.

Так вот кто таков господин Тэйн! Так вот к какому человеку отправляет тебя хозяин!

– Я... слышал об этой службе, – говоришь ты.

– Ну вот. А господин Тэйн – служил. Да он этого твоего мерзавца по стене размажет, если тот только посмеет сунуться. Впрочем, тот и не сунется, можешь быть уверен. Потому что если служба только узнает, что кто-то посмел...

– Спасибо... спасибо, господин Вагрит... – глупо улыбаешься ты, не зная, как выразить свою благодарность, а чувство облегчения, охватившее тебя, таково, что, кажется, ты сейчас просто взлетишь...

– Я, конечно, не всесильная служба, – говорит господин Вагрит. – Но, как и она, своих людей не отдаю никому. Я купил тебе место в почтовой пассажирской повозке, – добавляет он. – Ты как раз успеешь позавтракать.

* * *

Звон почтового колокольчика, пронзительный и яркий.

Почтовые возницы, не довольствуясь обычным звоном своих колокольчиков, носят их магам. Зачаровать «на звон». Голоса таких колокольчиков далеко слышать. Гораздо дальше, чем обычных. И, конечно, такие колокольчики не обязаны звенеть одной-единственной нотой. Они вызывают мелодии. Подчас – несколько разных мелодий подряд.

Каждый возница старается заказать мелодию попричудли-

вее, не то что у других. Причем это их личное, стародавнее соперничество. Почтовая служба эти выкрутасы не оплачивает. Возницы платят из своего кармана, причем зачастую втридорога, уводя из-под носа у конкурентов самые модные «звоны». Существуют даже музыканты, сочиняющие музыку только для таких вот колокольчиков.

Злые языки даже утверждают, что возницы чаще меняют мелодии для своих колокольчиков, чем нижние рубашки. Это, конечно, не так, почтовый возница должен быть очень опрятным, иначе долго в таковом качестве не продержится. Но то, что многие из них предпочитают отдать последнюю заначку не на новые сапоги, а обзавестись ранее никем не слыханным «звоном», – чистая правда.

Отправление.

Сытые почтовые кони дружно трогают с места. Возница по-доброму на них покрикивает. Ты сидишь, забившись в уголок, делая вид, что спишь.

Звон почтового колокольчика далеко разносится вокруг.

На самом деле тебе по-прежнему страшно. А может быть, даже еще страшнее. С того памятного вечера ты нигде не встречал своего преследователя, ты даже не можешь быть уверен, преследует ли он тебя, ведь тот ужасный сон мог оказаться всего лишь сном. Ты так надеешься на это... и все-таки боишься. Он... он может быть где угодно... притвориться кем и чем угодно... Его последние слова не отпускают тебя, неотступно следуют за тобой.

«Еще встретимся...» – глухо шепчет пустота за твоей спиной.

«Еще встретимся...» – подмигивают тени в углах.

«Еще встретимся...» – молчат силуэты спешащих мимо прохожих.

Еще встретимся.

В каждом из немногочисленных пассажиров почтовой повозки тебе чудится *он*. Ты ничего не можешь с этим сделать. Только ждать. Ждать, когда он примет свое истинное обличье. Или просто войдет снаружи. Или посмотрит из глаз обернувшегося назад возницы. Или соткется из звона колокольчика.

Если тебе повезет доехать до столицы, если ты сумеешь добраться до господина Тэйна, каждый из Богов-Заступников получит причитающиеся ему жертвы. Но ты не молишься. Ты просто не можешь молиться. Ты боишься, что *он* распахнет двери твоей молитвы и шагнет изнутри наружу.

Тебе и в самом деле страшно.

Ты припоминаешь все когда-то слышанные тобой истории о героях и поражаешься им с новой силой. Как же так, ведь многие из них были обычными людьми... как же это они не боялись?

Ты прижимаешься к грубой матерчатой стенке повозки, слушаешь звон колокольчика, выводящего прихотливые рулады, тихое бормотание пассажиров, drobный топот лошадиных копыт, скрип колес и неожиданно для себя засыпа-

ешь...

И никаких ужасов тебе не снится. Кстати, и наяву их тоже не происходит.

Быть может, о тебе просто забыли?

Или это была шутка?

А может быть, ты просто возомнил о себе невесть что? Делать высокому лорду нечего – гоняться за тобой по всему королевству! У него небось и другие развлечения найдутся. Вот и пусть находятся... а ты спи... спи... повозка мерно покачивается, чуть дрожит грубая матерчатая стенка под твоей щекой... спи...

Ты просыпаешься от внезапного молчания колокольчика.

Следующая остановка. В почтовую повозку забираются новые люди. Их громкие голоса будят тебя окончательно.

Маги.

Это не те маги, что охотились за твоим учителем, но...

Это маги.

«Ты что, так и будешь теперь всех подряд бояться?!» – сердится старик.

«Скажи это себе!» – огрызается молодой.

Впрочем, маги ни на кого не обращают внимания. Высокие лорды в почтовых повозках не ездят, а значит – они тут самые главные. Заняв вдвое больше места, чем то, за какое заплачено, они громко обсуждают свои дела, никого при этом не стесняясь.

Они кому-то мешают? Да быть того не может! Ерунда ка-

кая! А разве здесь кто-то еще есть? Что? Вот эти? В самом деле? Так мы вам все-таки не мешаем или вас в гусеницу превратить? А что? Ничего страшного. Бабочкой потом станете. Многим даже нравится. Ах, все-таки не мешаем? Ну, вообще-то мы так и думали...

Ты сидишь, вновь делая вид, что дремлешь, надеясь и в самом деле задремать и проснуться, когда маги уже сойдут. Ты сидишь, надеясь, что они тебя не заметят.

Что ж, тебя они и не замечают. А вот метку на твоей ладони...

– Как интересно, – говорит один из них. – А ну-ка мальчик, давай-ка сюда... да-да, ты! Можешь не притворяться, что спишь. Все равно не поверю. Что это у тебя за метка на ладони?

Вот и все. Чего-то бояться уже поздно. Тебя все равно заметили, так что – бойся, не бойся... в конце концов, когда-то ты и сам хотел стать магом, и если бы тебе повезло чуть больше...

А тебе и так повезло больше, вдруг соображаешь ты. Ты знаешь такое, что ни одному из этих пустоголовых зазнаек в цветастых мантиях даже во сне не снилось. Тебе не нужно глотать ядовитые эликсиры, чтоб поддерживать в себе силу, твоя магия всегда с тобой, в твоих глазах... в твоих пальцах... ты вдруг понимаешь, что ты...

Так вот чем так заинтересовался высокий лорд... *ты куда ближе к истинным магам, чем тебе это и во сне присниться*

могло!

Маги, все как один, смотрят на тебя.

– Так-так-так... – говорят они. – Спишь, значит?

– Я просто не хотел мешать господам магам, – отвечаешь ты. – Господа маги обсуждали свои важные дела... Мне показалось, что притвориться спящим будет вежливо. Разве я не прав?

– Ты нам зубы не заговаривай! Отвечай, откуда у тебя метка?

«Попробуй таким зубы заговорить – сам без зубов останешься!»

Но ты, разумеется, попробуешь. А что тебе остается?

– Господин маг поставил, – отвечаешь ты.

Насмешка в твоём голосе почти не слышна. Каков вопрос, таков ответ, господа маги. Откуда ещё у простолюдина может быть метка? Дураку ведь ясно, что её маг поставил!

– Это и так ясно, что маг. – Кажется, один все-таки что-то почувствовал. Голос у него не то чтобы очень уж добрый. – Давай-ка поподробнее. Кто? Когда? Зачем?

– Да я не знаю, господа маги... – растерянно и виновато говоришь ты. Ещё одну насмешку они точно заметят. Лучше поостеречься. – Просто я как-то шел вечером по городу... шел себе, шел, никого не трогал... а тут! Мимо меня вдруг старик промчался! Да такой весь из себя страшный, что аж сердце захолонуло! Я только успел посторониться, а тут снова – раз! Господа маги на крылатых скакунах! Я испугался...

а они говорят: где старик? А я им – убежал, говорю, проклятый! Я ж не знал, что его хватать и держать надо было... да и не смог бы я его схватить, больно уж страшный он был...

Ты подробно рассказываешь все: и о чем тебя тогда спрашивали маги, и что ты им отвечал... и что подумал... и что потом подумал, – и, разумеется, снова врешь, а как же иначе! Ты говоришь долго, занудно и обстоятельно. Господа маги должны поверить в твою искренность, равно как и утомиться твоей ограниченностью. Ты заискивающе смотришь им в глаза... и вдруг натыкаешься на знакомое лицо.

Нет, это не тот ужасный человек! Этот... он и вовсе не похож на младшего высокого лорда, встречи с которым ты опасаясь пуще всего прочего. Этот совсем иначе выглядит. Вот только... где-то ты его уже видел. Где-то, когда-то... Быть может, он просто похож на кого-то, с кем ты в своей длинной и несурзной жизни когда-то повстречался?

– И вот тогда господин главный маг поставил мне эту метку, чтоб, если я этого старика где-нибудь встречу, я б ворон не ловил, а бежал к первому попавшемуся магу и все ему про того старика сообщил, – заканчиваешь ты.

На подозрительно знакомого мага ты стараешься особо не смотреть, по опыту зная, что такие вот короткие и как бы случайные взгляды вызывают не меньше подозрений, чем пристальное наблюдение.

Маги недовольны. Как же так? Они проявили бдительность, а враг все-таки не обнаружен. А как же награда? Они

что – впустую трудились?

Они пытаются задавать дополнительные вопросы, сбивать тебя с толку, путать. Но ты уже проходил все это. Много раз проходил. Каждый такой вопрос вызывает тошнотворно-скучный, невероятно подробный ответ, с привлечением семейных историй всех твоих дедушек, бабушек, сестер, братьев и прочих родственников до седьмого колена. Маги морщатся и сдаются.

– Ладно, – наконец бросает один из них. – Похоже, тут и в самом деле ничего нет.

Замок пал, флаг спущен. Высокое магическое искусство потерпело сокрушительное поражение от мелочного занудства. Что ж, в истории такое случалось не раз.

Маги отпускают тебя, возвращаясь к своим прежним разговорам. Они не особенно стесняются – а кого тут, собственно, стесняться? Кучки невзрачных пассажиров? Да и кто поймет их высокоученые магические разговоры?

Что ж, по крайней мере один пассажир все-таки понимает. И потрясен.

Служба Ордену... то, о чем ты когда-то мечтал, то, что снилось в твоих самых горячечных снах, то, что было выжжено в твоей душе огромными огненными буквами... служба Ордену – вот она. Без прикрас. Такая, как есть... эти четверо – служат. Тому самому Ордену, в который ты так стремился. Тому самому Ордену, в который ты так и не попал.

Боги, какие же мелкие дразги волнуют этих людей! Кто кого подсидел, кто с помощью какой хитрости продвинулся, кому в прошлом месяце недодали противоядий от магических эликсиров, какой дурак помощник третьего Старшего магистра... и еще что-то и еще...

А где же мощь, сила, красота, мудрость и что там еще? Где же все то, за чем ты когда-то отправился в Орден? Ладно, у тебя не получилось, но у них-то – вышло! Они что, стали магами лишь для того, чтоб продолжать делать все то, что доступно любому простолюдину? Любому ремесленнику или чиновнику? Овладели устрашающими тайнами магии, чтобы потом перемывать косточки своим ближним, словно последние сельские пьянчужки, и договариваться, как похитрей спихнуть того, кто сидит чуть выше, словно какие-то зачуханные чиновники из захолустья?

«Великие магистры выглядят совсем иначе!» – словно за соломинку, хватаешься ты за успокоительную мысль.

«А ты когда-нибудь видел их... вот так?» – тотчас возражаешь ты сам себе.

Но, может быть, тебе просто попались какие-то уроды?
– Послушай, Боллари... – доносится до тебя, и ты холодеешь... нет, на сей раз не от ужаса... или все-таки от ужаса, вот только ужас этот совсем другого рода.

Весельчак Боллари! Твой лучший друг по магической школе. То-то его лицо показалось тебе таким знакомым! Ну да, все верно. Его списали почти в самом начале, ему дела-

лось плохо от всех этих эликсиров. Именно такие и становились потом магами... Как он плакал, когда его уводили! Он ведь еще не знал – куда. Он считал, что это – конец. А ему так хотелось стать магом. Так хотелось... Наверное, больше, чем тебе. Он бредил магами-героями прошлого. Сражениями и подвигами Великих магистров. Магическими тайнами и открытиями. Тебе было так жаль его. Ты ведь тогда поклялся, что найдешь его, когда станешь магом. Поклялся, но так и не исполнил клятвы. Потому что магом не стал. А он... он – стал магом, но не нашел тебя. Впрочем, он и не давал клятвы. А раз не давал...

Что ж... это его голос ты сейчас слышишь чаще других. Это его капризный, недовольный, завистливый голос повествует о том, кто кого подсел, а кто еще только собирается... О том, насколько скучная и паршивая штука – эта жизнь, Боллари не распространяется. Но это и без того слышно. По голосу.

Эх, Боллари, Боллари... на вид тебе лет сорок – сорок пять... а это значит, что ты проживешь еще столько же... Я знал тебя пятнадцатилетним, потому и не признал сразу, ведь мне, когда мы были знакомы, было столько же. Потому и ты меня не признаешь. С твоей точки зрения, я давно умер, а если нет, то вот-вот умру. Думаю, тебе проще считать меня мертвым, раз уж ты не стал искать меня. А ведь для меня прежнего это было бы не самым плохим утешением. Служить другу, великому магу... не самая плохая участь в

жизни. Но ты не стал меня искать. Просто не стал. А теперь я умер. Нищие калеки столько не живут, верно?

А ты жив и проживешь еще долго. Вот только... стоит ли оно того? Стоит ли длить жизнь, если она *такая*?

Неужто ты совсем не помнишь, о чем мы тогда с тобой мечтали?

Наверное, не помнишь. Разве бы ты стал *таким*, если бы помнил?

Ты уж прости, я не стану тебе об этом напоминать. У меня сильные сомнения, что ты мне поверишь. А если поверишь... ты все-таки маг, и вас четверо. Нет уж. Я промолчу.

Пока промолчу.

А потом... когда-нибудь я найду тебя, Боллари! Найду, раньше или позже, найду, когда и впрямь стану великим магом... потому что я поклялся тебе, Боллари. Такая клятва стоит того, чтобы ее сдержать. Быть может, потому, что я так и не забыл всего того, о чем мы с тобой тогда говорили? Быть может, потому, что я надеюсь, что и ты тоже вспомнишь?

А он все говорит... говорит... он не замолкает... кто бы мог подумать, что у него такой омерзительный голос?

Но ведь он – маг... Маг! Ему было даровано все то, в чем было отказано тебе! Все те восхитительные чудеса, которых так и не выпало на твою долю!

Ты смотришь в его спину, слушаешь его голос... и вспоминаешь... вспоминаешь...

«Да, я прожил свою жизнь как калека... но даже как ка-

лека я жил стократ полнее, ярче, интереснее... где я только не был! Кого только не повидал! Кем только не был сам! Но уж точно не был завистником, который постоянно смотрит в спину своего более одаренного, более удачливого коллеги! Один раз в этой новой жизни я позавидовал, так до сих пор от самого себя с души воротит! А этот... он даже не понимает, насколько он жалок в своей зависти, насколько ничтожен со всем своим могуществом и чудесами...

А я, дурак, мечтал о такой жизни! Скучной жизни скучного человека, исполняющего чужие приказы и повеления. А ведь он даже смысла их не понимает!»

Повозка останавливается, и маги сходят.

Ты долго глядишь вслед своему бывшему другу, но тот так и не оборачивается. Да и с какой стати ему оборачиваться?

Эта встреча странным образом подействовала на тебя. Ты забываешь о своем преследователе. Полностью забываешь. А когда вспоминаешь, с удивлением обнаруживаешь, что он тебя не пугает. То есть ты его по-прежнему опасаясь – да и кто в здравом уме не стал бы опасаться младшего высокого лорда? – но того, почти животного ужаса больше нет. Словно, уходя, маги прихватили его с собой.

Повозка катится дальше, колокольчик выводит мелодии одну сладкозвучнее другой, о чем-то негромко переговариваются пассажиры. Сон подкрадывается совершенно незаметно...

А поверх сна обрушивается могучий осенний дождь,

словно одеялом накрывая, словно пряча от всех бед и огорчений мира.

Спи, и пусть тебе снятся только хорошие сны!

Это всегда страшно, когда друзья умирают, но куда страшней, если они при этом продолжают ходить, говорить, что-то делать и знать не знают, что они уже давным-давно мертвые. Это так страшно, что лучше пока об этом не думать. Спи, и пусть плачет осенний дождь над твоей головой. Пусть он прочитает погребальную молитву, пусть на пару с заливающимся колокольчиком споет все погребальные песни, одну за другой. А ты спи – и пусть тебе приснится надежда. Ведь кто знает, что будет дальше? Вдруг, когда ты проснешься, за новым поворотом дороги тебя опять встретит живой друг? Ведь может же быть, что эта унылая смерть ему только приснилась?

* * *

– Эй, приятель! Приехали! – Добродушный возница трясет тебя за плечо. – Ну ты здоров спать, я тебе скажу! Бужу-бужу, а тебе хоть бы что!

Подхватываешь дорожный мешок и выбираешься из повозки.

И впрямь – столица.

Действительно – приехали.

Усатый столичный стражник смотрит на тебя недоволь-

но. Ну как же – всех остальных он уже проверил, а какого-то одного обормота – дожидайся! Что-то такое он себе под нос и бормочет, время от время повторяя: «Деревня... вот же деревня!» Тянет прохладным ветром, больше похожим на сквозняк из-под плохо пригнутой двери. Господину стражнику неуютно. Хорошо, хоть дождя нет...

– Ох, простите... – бормочешь ты, выхватывая то самое письмо... *проклятье! Чуть ведь не перепутал! Не то письмо, а вот это! Эдак спросонья как чего наворотил, так потом в жизни не расхлебашь...*

Поддаешь стражнику открытый конверт.

– Та-ак... что тут у нас? – медленно тянет он, проглядывая четкие, уверенной рукой господина Вагрита выведенные строки. – Ага. Пироги, значит?

– Пироги, господин стражник, – киваешь ты.

– С грибами, значит?

– С грибами, господин стражник.

– Ладно. Научишься печь – приноси. Проверю, хорошо ли научился!

– Обязательно, господин стражник.

– И берегись, если мне не понравится!

– Как можно, господин стражник! Разве я посмею предлагать доблестному воину что-нибудь невкусное?

– Ну, то-то, – уже дружелюбно бурчит он. – Плати воротный сбор и беги к своему господину Тэйну! Хорошее у него заведение, кстати. Бывал.

Благовосаришь.

Платишь. Кланяешься. Уходишь.

– Стой, дурень! Куда? – гаркает тебе вслед усатый стражник. – Что ж ты у меня дорогу не спросишь? Ну как есть – деревня...

Он уже улыбається. И ты улыбаешься ему в ответ.

«Ну и ладно. Ну и деревня. Зато дорогу теперь знаю».

Еще раз благовосаришь. Еще раз кланяешься. Еще раз уходишь.

Хорошо, хоть платить дважды не приходится.

Да. Давненько ты не бывал в столице...

После того как шайка столичных нищих пересчитала ребра престарелому калеке – ни разу. Ты едва отлежался тогда. Ну вот не любят столичные нищие своих товарищей по несчастью из тех, что когда-то магами стать попробовали. Страшно не любят.

«Лучше людей, паскуда, стать захотел? О вечной жизни, падла, помыслил? Так вот же тебе вечность, гаденыш! Получи!»

Что ж, тебя нынешнего это не касается. Уж чем ты точно не собираешься заниматься, так это мезтью. Ведь, в сущности, тот, кого они тогда чуть было не убили, все-таки умер. Умер, когда родился ты. Тебе нынешнему эти престарелые мерзавцы ничего не сделали. Если они вообще еще живы. Нет, тебя они нисколько не интересуют. Даже странно, что ты о них вообще вспомнил. Или... не странно? Ведь ноют

же эти никем не переломанные ребра? Еще как ноют. Вот и вспомнилось. А теперь пора забыть. Забыть – и идти дальше. Эта жизнь дана тебе не для того, чтоб ты рассчитался за все обиды в прежней.

Столица...

Древний Тэрлин, сердце Гаэрти. Вечный Тэрлин, ни разу не взятый штурмом, ни единожды не побывавший в руках врагов. Тэрлин, танцующий с разноцветными осенними листьями.

Ты идешь в хороводе спешащих по своим делам прохожих, с восхищенным потрясением глядя, как из-под никогда тобой не виданного нового – того, что успело здесь возникнуть после тебя, после того, как ты, казалось, навсегда покинул это дивное место, – таинственно и необоримо проступает вечное, то, что здесь было задолго до тебя и пребудет тогда, когда не только тебя, но и многих долгоживущих лордов уже не будет на свете.

«Лишь звезды переживут вечный город», – восхищенно шепчешь ты старую как мир пословицу.

Лишь звезды. Только они.

Но, как и прежде, год за годом вечно юный и неизмеримо древний Тэрлин будет танцевать с осенними листьями. А по улицам его туда и сюда будут спешить прохожие. Такие же, как ты. Они тоже будут казаться себе значительными, их проблемы будут для них самыми важными, они тоже будут с восхищением смотреть на падающие листья и, быть может,

тоже подумают о тех, кто проходил тут до них, и о тех, кто пройдет после, когда о них самих уже и памяти не останется.

Что-то неприятное внезапно касается твоего слуха. Неприятное, странное, оно выпадает из суетливой гармонии людной улицы. Оно не похоже на нечто обычное, а все необычное может оказаться опасным. Предыдущая жизнь хорошо научила тебя этому. Ты еще ничего не понял, ты только чувствуешь, как деревенеют спина и плечи.

Какой-то звук... отчего-то он кажется знакомым. Чудо-вищно знакомым. Слишком недолгое время требуется тебе, чтобы вспомнить. Вспомнить и ужаснуться. И рухнуть в собственное прошлое. В безнадежность, отчаянье и боль.

Больно... больно... больно... Везде больно... у тебя слабеют ноги... ты начинаешь задыхаться... незримая тварь ржавым мечом вскрывает твой череп и высыпает под него горсть ядовитых муравьев...

Нет. Это не ты так себя чувствуешь. Совсем не ты.

Усилием воли ты вырываешься из жутких, обволакивающих воспоминаний. Это не твои мучения. Не твоя боль. Ты просто слишком ярко вспомнил. Это не твоя боль... не твоя...

Просто твоя болела точно так же!

Твой взгляд безошибочно находит того, кто...

Да. Ты ходил точно так же. И дыхание... это дыхание ни с чем не перепутать.

Ты не можешь не узнать характерные признаки отравле-

ния магическим эликсиром.

«Брошенный... никому не нужный калека... так же, как я когда-то... Не прошел испытания эликсирами... не прошел».

«Совсем еще мальчишка. Видать, только что...»

Чьи-то торопливые руки оттолкнули шатающегося юнца, он покачнулся, его толкают еще раз... и еще... он прижимается к стене, пропуская плотную группу куда-то спешащих приезжих, а потом, едва ковыляя, сворачивает в узенький переулок.

Ты идешь следом, не в силах оторвать взгляд от тощей вздрагивающей шеи. Тебе то и дело кажется, что это твоя шея, что впереди, страдая, мучаясь, задыхаясь, идешь ты сам. Твоя левая рука медленно лепит воздух, превращая его в некое подобие незримого снежка, а в правой уже появился невидимый рунный нож.

Нет... нет... нет!

«Тебя не учили исцелять! Ты можешь убить его!» – юноша в панике.

«Плевать! – рывкает старик. – Лучше смерть, чем такая жизнь!»

«Кто-нибудь увидит!» – хватается за соломинку молодой.

«В такой толпе? – ехидно фыркает старик. – Не трусь. Я знаю, что все получится!»

Красновато мерцающая руна ударяется в спину. Мальчишка замирает. Застывает неподвижно. Потом делает глу-

бокий вдох и поворачивается. И смотрит на тебя. Долго смотрит. В его глазах радостное удивление и непомерный ужас. Он с наслаждением делает еще один глубокий вдох... это так чудесно – дышать полной грудью, вновь наконец-то дышать, как все люди!

– Что изволит приказать высокий лорд? – наконец спрашивает он.

Ты настолько растерян, что оглядываешься. Мало ли, вдруг за твоей спиной и впрямь обнаружился истинный маг? Вдруг и тебе следует немедленно испугаться? Ты оглядываешься, ожидая, что за твоей спиной кто-то стоит. Ты почти догадываешься, кто это может быть, и страх... нет, исполниться страхом ты не успеваешь...

Потому что, едва ты оглядываешься, тебя тут же толкают. Ты едва успеваешь отскочить в сторону.

– Чего встал на дороге? – бурчит сердитый дядька со здоровенной клеткой в руках. В клетке сидит маленькая печальная птичка.

– Дура-а-ак! – вдруг орет она таким громким голосом, что ты подскакиваешь на месте и врезаешься еще в кого-то. И тебя снова толкают.

– Ты – не высокий лорд. Кто ты? – подошедший сзади мальчишка кладет руку тебе на плечо.

Так вот что пришло ему в голову! Это тебя, тебя он посчитал высоким лордом и испугался!

Ну да. А что он еще мог бы подумать? На его месте и ты

бы подумал то же самое. Маги от последствий своего эликсира лечить не умеют. А раз его вылечили, значит, вылечивший – высокий лорд: кто, кроме истинного мага, еще на такое способен?

Отсюда и ужас, примешивающийся к радости. Мало ли, чего изволит потребовать высокий лорд за чудесное исцеление? Кто знает, зачем он вообще тебя вылечил? Еще не сказано, что это великая удача и непомерное счастье, может, лучше было бы подохнуть калекой...

Вот-вот. А теперь он заметил, что тебя толкают, как всех прочих. С высокими лордами этого не случается, люди инстинктивно обходят истинных магов стороной. Значит, сейчас он решит, что ты – обыкновенный маг, его более удачливый соперник. А заодно решит, что кто-то придумал способ исцеления от последствий отравления эликсиром.

– Пойдем отсюда, – предлагаешь ты.

– Пойдем, – соглашается он. И тотчас взрывается градом вопросов: – А ты правда меня спас? Как тебе это удалось? Ты прошел посвящение и стал целителем? Так быстро? И сразу же научился исцелять таких, как я? А почему нам сказали, что это невозможно вылечить? Или ты только сейчас придумал и не успел поделиться с учителем? Можно я стану тебе прислуживать? Я что хочешь делать могу!

– А... как ты себя чувствуешь? – спрашиваешь ты, слегка ошарашенный этим ворохом вопросов.

– Так, словно никогда не пил этой отравы, – радостно хло-

пает себя по груди он. – А ты не можешь сделать так, чтобы я хоть чуточку стал магом? Ну хоть капельку...

– Не знаю... – честно отвечаешь ты. – Я никогда не пробовал. Я ведь и сейчас не знал, что с тобой будет. Ты мог умереть...

– Лучше смерть, чем так мучиться! – отвечает он и с надеждой смотрит на тебя.

– Я не знаю, – повторяешь ты. – Я попробую. Когда-нибудь...

Он улыбается. Хорошей такой, счастливой улыбкой. А где-то в глубине твоей души, сквозь яростные слезы улыбается старик. И кому-то грозит кулаком. Ты даже догадываешься – кому. И ничего не имеешь против.

– Пойдем, – говоришь ты.

– Пойдем, – соглашается он. – А куда?

И только тут до тебя доходит, что ты натворил. Ты ведь идешь в чужой дом, идешь как проситель... привести с собой еще кого-то – сложное дело. Ну ладно, господин Вагрит, да будут к нему благосклонны все Боги, сколько их ни на есть, написал свое второе письмо так, что ты можешь рассказать господину Тэйну что угодно. Можно просить и за обоих. Неужто не найдется у столичного трактирщика лишнего местечка на кухне или в посудомойне? Быть такого не может! Но вот только... твой новый приятель, верно, очень удивится, отчего это новоявленный великий целитель вместо того, чтоб со всех ног спешить к своему наставнику и захлеб рас-

сказывать ему о чудесном методе исцеления, устраивается работать в трактир. А уж то, что мальчишка не утерпит и расскажет о своем чудесном спасении, да притом распишет его во всех красочных подробностях... у господина Тэйна мигом появятся вопросы. Не может не появиться вопросов. Даже будь он обычным трактирщиком, появились бы... А ведь господин Тэйн *очень* необычный трактирщик. И что ты ответишь бывшему агенту службы «Старшие Братья»? Как ты исцелил своего нового приятеля? Да ведь он даже и не приятель тебе – шел мимо, увидел, исцелил... сам не понимаю, как вышло... такое, знаешь ли, вряд ли устроит службу... А спрашивать они умеют не хуже магов.

И что же теперь делать? Отправить этого паренька домой? Так ведь не пойдет он. По глазам видно, что не пойдет. Не станет возвращаться, как не вернулся в свое время и ты сам. Даже калекой – не вернулся. А ведь он теперь, твоими трудами, – не калека.

Сбежать от него, что ли? Ага. Сбежишь от такого. Он, пожалуй что, побыстрее тебя самого бегаёт. А потом... ну сбежишь, а дальше что? Станет он каким-нибудь проходимцем или бандитом, прибьется к какой-нибудь шайке, будет грабить тех, кто послабей... и зарежут его в какой-нибудь потасовке. И зачем ты его тогда исцелял, спрашивается? Чтoб он жил как сволочь и погиб как дурак? Нет уж... исцелил, будь добр – позаботься. Ты же все-таки старше, хоть вы и одногодки. Ты старше его на целую жизнь. Глупую, бестол-

ковую, искалеченную жизнь. Так неужели ты позволишь ему прожить такую же?

Так думай же! И думай быстро. До трактира господина Тэйна не так далеко.

– Пойдем в трактир, перекусим, – наконец решаешься ты.

«А пока будем жевать, я что-нибудь придумаю!»

– А ты берешь меня на службу? – робко спрашивает он.

– Беру, – решительно киваешь ты.

– Тогда идем, – улыбается он. – Хозяину слугу кормить положено. А то у меня своих денег нету.

– Ничего. Скоро будут, – обещаешь ты и делаешь шаг.

Ты еще не знаешь, как сложится твоя дальнейшая судьба, даже о том, что случится через какой-то час, ты имеешь весьма смутное представление. Что ж, зато ты очень хорошо знаешь, чему посвятить эту свою жизнь. Твой новоявленный слуга в своем коротком сбивчивом монологе ненароком подсказал тебе это.

* * *

В руке мастера Холлерга щелкнула зажигалка. Небрежным жестом поднеся ее к спиртовке, он зажег небольшой огонек, щипцами поправил фитиль и приступил к своему маленькому тайному ритуалу. Никакой магии в этом ритуале не было. Ни могущества, ни здоровья он не добавлял. Да и на окружающую реальность не влиял абсолютно. И все же...

Даже самые невероятные тайны – ничто в сравнении с ним. Быть может, потому, что ни одна тайна не доставляет такого удовольствия, такого неподдельного искреннего восторга...

На узеньком клочке бумаги одно за другим выстроились имена... Имена тех, с кем сегодня пришлось общаться мастеру Холлергу, и тех, о ком он лишь ненароком припомнил... тех, кому он жаловался, тех, перед кем ныл и унижался, тех, кому он сплетничал, и тех, о ком были эти сплетни... тех, с кем он сегодня путешествовал в этой отвратительной повозке, и многих, многих других... Имена писались привычно, машинально и бездумно...

Думал мастер Холлерг совсем о другом.

Да если б только его сегодняшние собеседники знали, с кем имеют дело! Да разве бы они посмели проявлять свою всегдашнюю снисходительность? Разве у них открылись бы рты для произнесения всех этих утешительных глупостей? Утешать *его*! Его! Его, кому сам Великий магистр, осознав наконец, *кто* является лучшим алхимиком Ордена, предложил принять участие в заговоре!

Этим бесталанным лизоблюдам даже неведомо, что есть какой-то заговор! Если б они только знали! Но чернь не посвящают в дела мудрецов. И вот – во имя сохранения великой тайны! – он вынужден строить из себя шута, хлюпика, нытика и неудачника... Он, кому сам Великий магистр ни в чем отказать не смеет! Потому что знает, что без мастера

Холлерга заговор обречен!

Стоило ему лишь намекнуть, что он был бы не против изведать ласк дочери Великого магистра – и в ту же ночь красавица оказалась на его ложе! Кто из этих никчемных, ни на что не годных людишек, которых и магами-то назвать сложно, может чем-либо подобным похвастаться?

А потрясающее утро после *той* ночи, утро, когда Великий магистр не поленился нанести ему визит и справиться, как прошла ночь, нет ли каких жалоб? Тайный утренний визит Великого магистра понравился Холлергу едва ли не больше самой ночи, хотя жалоб и впрямь не было. Доченька как следует постаралась для папы. Впрочем, ничего нового в ее ласках для Холлерга не было. Куда ярче было осознание самого факта, что она – дочь Великого магистра, а не какая-нибудь заурядная шлюшка – оказалась в его постели...

Да. Это и был триумф!

Впрочем, его маленький тайный ритуал доставляет ему куда большее наслаждение... рука Холлерга вывела имена Великого магистра и его дочери. Холлерг посмотрел на огонек спиртовки и мстительно улыбнулся, вновь припоминая своих сегодняшних попутчиков. Ни одному из них не доведется узнать о заговоре до того, как он будет осуществлен, и лишь немногие из них его переживут. Холлерг еще подумает, кто это будет. Но только не Боллари. Никак уж не Боллари. Этот унылый урод умрет в полном сознании, зная, *кто* и *за что* его убивает. Что же касается тех, кто выживет...

это сейчас он жалуется, а они похлопывают его по плечу, сочувствуя, обещая поддержку и прочие глупости... он им еще припомнит это сочувствие, когда они приползут к его ногам, моля о милосердии...

Если бы они только знали, насколько он больше их всех, вместе взятых... Ему ведь доверены такие тайны Ордена, что их даже не всякий магистр знает. Даже не всякий магистр из тех, что примкнули к заговору! Ведь именно ему, мастеру Холлергу, доверено готовить особый, тайный эликсир, о котором, кроме него и Великого магистра, знают лишь те, кому предстоит его отведать, а они – не в счет, потому как к Ордену не относятся... а ведь без этого эликсира заговор обречен так же, как без того яда, что он уже приготовил для Владыки Зари.

Что ж, есть у него еще и такой яд, о котором даже Великий магистр не знает. Потому что этот яд приготовлен для самого Великого магистра.

Великий магистр перехитрил Владыку Зари, он его отравит и даст знак к началу восстания. К магам присоединятся и младшие высокие лорды – то есть им-то кажется, что это маги выполняют для них грязную работу, освободят их от отцов и старших братьев, расчистят дорогу наверх... Именно для них, для самых отчаянных из них, и готовится тот невероятный эликсир, который – вопреки всем современным алхимическим теориям! – способен непомерно повышать силу истинного мага. Десять младших высоких лордов получают

это зелье. Их тщательно отбирали. Все они презирают обычных магов, беспечны, ленивы, не любопытны и склонны желать для себя трона Владыки. К тому моменту, когда они истребят друг друга и прочих высоких лордов, в игру вступит Великий магистр. Его лозунгом будет спасение царства от смуты. К тому моменту оставшиеся в живых младшие высокие лорды сполна прочувствуют все побочные действия тайного эликсира и будут уже ни на что не годны. Их можно будет брать голыми руками, что Великий магистр и сделает. А преступлений, которыми они себя запятнают, к тому моменту будет столько, что Великому магистру почти не придется оные преступления придумывать или создавать искусственно. Всеобщее возмущение и однозначный смертный приговор для проклятых магов крови... всенародное одобрение и даже ликование при таком раскладе просто несомненны. Великий магистр займет освободившийся трон. Мастер Холлерг подождет еще немного. До тех пор, пока победа магов не станет несомненной. А потом Великий магистр умрет и даже не заметит этого. Холлерг просто обязан это сделать, старик, несомненно, решит, что Холлерг ему больше не нужен – а ставший ненужным и знающий при этом слишком много лишнего долго на свете не задерживается.

Мастер Холлерг малость поразмыслил, не оставить ли дочь Великого магистра при себе наложницей. Если сообщить ей, что он отравил ее отца, – это может дать интересный эффект... Впрочем, тогда она уже не будет дочерью Ве-

ликого магистра... да и магией она владеет так, что... проще ее отравить вместе с родителем. Да... многих придется отравить. Многих.

Холлерг поморщился и вписал в свой список ее имя еще раз. А потом имя того, у кого вчера одолжил денег. Ему вообще не нужна была эта жалкая мелочь, но ведь если не просить, если не выглядеть жалким, кто-нибудь может счесть тебя сильным, а это преждевременно. И опасно. До тех пор, пока тебя считают никчемным и слабым, но все же полезным, – ты в безопасности. Но... как же это противно... как же он их всех ненавидит!

Пробежав глазами выстроившиеся, словно на параде, имена, мастер Холлерг довольно кивнул и медленно, с наслаждением, поднес бумагу к огоньку спиртовки. Еще с давних пор, со времен магической школы, для него не было большего наслаждения, чем вот так вот, написав на клочке бумаги имена обидчиков, медленно поднести его к пламени и смотреть, смотреть жадно, задыхаясь от непередаваемого наслаждения, как корчатся в пламени ненавистные имена...

Почему-то возможность уничтожить обидчиков физически, даже сжечь их, всласть полюбовавшись мучениями, не давала такого же эффекта.

Совсем не то удовольствие.

Совсем не то.

Клочок бумаги обжег пальцы.

Вот и все. Мастер Холлерг с наслаждением вздохнул. И

тут же поморщился. Такое уже случалось. Не часто, но... какое-то имя он позабыл вписать. Позабыл. А теперь это будет мучить его до следующего раза. Проклятье! Вспомнить бы, хоть кто это! А то ведь эта соринка так и останется в глазу. А у соринки, длительное время пролежавшей в глазу, есть шанс превратиться в бревно.

«Кто же это? Кто? – думал мастер Холлерг. – Где это я с ним столкнулся? Когда? Почему сразу не вспомнил? Боллари? Я вписал Боллари? Да. Вписал. Одним из первых. Так кого же я все-таки забыл?»

Он попытался представить себе этого человека – и не смог. Кто-то неопределимый присутствовал на самом краешке сознания. Это раздражало неимоверно. Он попытался представить себе хотя бы место, где мог столкнуться с кем-то, кого ему не удалось по какой-то причине запомнить, – и вновь потерпел неудачу. Почему-то выходило так, будто это случилось в той самой повозке, в той отвратительной повозке, в которой он должен был, якобы по делам Ордена, ехать вместе с этими никчемными людишками. Но ведь кроме них там никого не было! И всех своих спутников он вписал. Всех. Он не мог ошибиться. В той повозке были и еще какие-то, но ведь они – не в счет. Не могут же его всерьез волновать те, кого и людьми-то в полном смысле этого слова назвать нельзя?

Почему-то опять вспомнилась школа магии. Давно сгинувший тогдашний дружок Боллари... как его там? Керте-

лин, что ли?

«Я обязательно тебя найду, когда стану магом, слышишь?!» – жарко выдохнул давно сгинувший мертвец.

Их тогда уводили. Его и Боллари. А Кертелин оставался. Им казалось, что они не справились. Их ждала пустота. Кертелину казалось, что он скоро станет магом. Его ждала сила. Они еще не знали, что все случится с точностью до наоборот. Вот только... это он, Холлерг, уходил в пустоту. Это перед ним разверзалась пропасть. Боллари плакал, глядя на своего друга. У него была надежда, ему обещали... за ним придут! А Холлерг должен был рухнуть в пропасть! Боллари протягивали руку! Наверное, именно за это мастер Холлерг ненавидел своего коллегу больше всего.

«Я обязательно тебя найду, когда стану магом...» – вновь услышалось Холлергу то давешнее, сказанное не ему.

«Не найдешь! – злорадно возразил он ненавистному прошлому. – Мертвые магами не становятся! А ты мертв, Кертелин! Со всей очевидностью мертв! Мне просто лениво разыскивать твои кости, чтоб сплясать на них!»

Холлерг вновь поморщился. Глупо вписывать имя покойника.

«Неужто я все еще ненавижу его? Вздор! Ведь это я, я – победил! И его самого, и его дружка Боллари. Один давно мертв, а другой такое ничтожество, что об этом даже говорить смешно».

И почему такое странное чувство, будто проклятый Кер-

телин незримо побывал там, в той повозке? Смотрел... оценивал... осуждал...

Мастер Холлерг тряхнул головой и решительно встал. Как магу, ему было хорошо известно, что чудес и богов не бывает, а значит, от Кертелина давно ничего не осталось... кроме сгнивших костей в какой-нибудь канаве – так и какое ему до них дело?

Решительно выбросив из головы пустопорожний вздор, мастер Холлерг принялся готовить эликсир для истинных магов. Одному из младших высоких лордов как раз пришло время получить очередную предварительную порцию. К такой штуке, как этот эликсир, тело – даже если это тело истинного мага! – нужно готовить постепенно. Так, чтобы ко времени осуществления тайных планов заговора все эти младшие лорды и в самом деле были готовы выполнить свою часть плана – сразиться с самыми могущественными истинными магами королевства, сразиться и победить.

* * *

Ты идешь, то и дело поглядывая на своего новоиспеченного слугу. Тебе никак не удастся привыкнуть к мысли, что у тебя ни с того ни с сего появился слуга. Впрочем, он тоже на тебя поглядывает. И не только поглядывает. Он еще и тараторит без умолку. И все, что он говорит, – вопросы. Он умоляет, требует, просит тебя на них ответить... спустя

какое-то время ты понимаешь, что больше не можешь этого вынести. Равно как и ответить на все это. Уже хотя бы потому, что просто не в состоянии все это запомнить.

– Пока не поедим, ничего не расскажу, – огорошиваешь ты своего спутника.

Он адресует тебе обиженный взгляд, но вынужден смириться. С магом, даже если он сверстник, спорить не будешь. А с магом, который тебя спас, – тем более. Однако... трактир-то – вон уже где... совсем рядом... а ты все еще ничего не придумал. А ведь тебе еще и для господина Тэйна речь готовить... Так что же сказать этому бедняге, который просто не поверит сейчас, что его обожаемые маги, все из себя такие расчудесные, чуть не до смерти замучили твоего учителя? А что станет с тобой, попадись ты им? Да то же самое! Особенно когда они узнают, что твоя тайна передается только из рук в руки и только в момент смерти... Так что же все-таки парню соврать?

– Не надо мне ничего врать, хозяин... – каким-то удивительно тихим голосом просит мальчишка. И останавливается.

– Что?! – выдыхаешь ты, не веря своим ушам.

Он стоит, закрыв лицо ладонями, весь какой-то съеженный...

– Ты прости, конечно, – почти шепчет он. – А только... я ведь почему в маги-то подался? У меня иногда получалось знать, когда кто-то другой что-то думает... нечасто и не

очень отчетливо, но получалось. Вот я и...

– Ты прочел мои мысли? – ошарашенно спрашиваешь ты.

– Прости, хозяин... – он съезживается еще сильнее.

– Ты... ты чего? Боишься меня, что ли?

– Нет, – отвечает он.

– А чего тогда лицо закрыл?

– Я понял, что ты – не маг.

– Да. Не маг. И что?

– То, что ты подумал про магов... – с горечью говорит он. – Неужто среди них такие сволочи встречаются? Как же их Великие магистры не распознали? Если мы сообщим о них... о тех, кто преследовал тебя и твоего учителя...

– Сейчас мы пойдем и поедим, – говоришь ты. – Заодно поговорим о Великих магистрах и прочих магах, равно как и о том, почему я им на глаза попадаться не желаю.

– Понятно, – мрачнеет он.

– Я хоть и не могу читать чужие мысли, – говоришь ты, – но легко могу понять, о чем ты сейчас думаешь...

– О чем? – с прежней горечью спрашивает он.

– О других таких же, как и ты, несчастных калеках! – безжалостно говоришь ты.

Он вздрагивает, подымает голову и смотрит тебе в глаза.

– Так вот, я тоже о них думаю, – говоришь ты.

Он вздрагивает еще раз.

– Почему? Почему ты о нас думаешь? Ты бы должен ненавидеть магов, раз они тебя и твоего учителя...

– Я тоже хотел стать магом.

– Хотел, и?.. – нетерпеливо переспрашивает он.

– И стал таким же, как и ты, калеккой. – Ты глядишь ему в глаза. – Как только я тебя увидел... услышал твое дыхание... можешь мне поверить, я сразу все вспомнил...

На миг тебе кажется, что ваши взгляды превратились в какой-то жуткий колодец, в котором нет верха, есть лишь дно, причем с обеих сторон. И вы бесконечно падаете друг в друга, бесконечно, неостановимо, страшно... верчение, кружение, черные сполохи, соленая луна и ворох осенних листьев... и ты не можешь найти себя, отличить себя от другого... Но этот жуткий миг проходит. Твой спутник моргает.

– Так, значит, ты...

– Со мной случилось то же, что и с тобой. Точно то же самое, – говоришь ты. – А потом пришел учитель и спас меня.

– И умер? – хриплым голосом спрашивает он.

– Не сразу, но... да. Умер.

Сильный толчок в спину.

– Вы еще здесь? Да чтоб вас демоны задрали! – На тебя вновь налетает тот же человек со здоровенной клеткой.

– Дура-а-ак!!! – вновь орет маленькая печальная птичка.

– Сама такая! – огрызаешься ты. Ты уже не веришь в ее печаль.

– Пойдем в трактир, хозяин, – вздыхает твой спутник.

– Какой я тебе хозяин? – усмехаешься ты.

– Самый настоящий, – убежденно возражает он.

– Ты же к магу хотел слугой устроиться, – замечаешь ты, направляясь наконец в сторону трактира.

– Я хочу служить тебе, – качает головой он. – Ты меня вылечил, а у меня ничего нет, чтобы отблагодарить тебя. Должен же я хоть чем-то возместить... А потом... если ты и правда был таким же, как я... если и впрямь собираешься помогать другим...

– Вот об этом мы с тобой и поговорим, – киваешь ты. – Кстати, я в этом трактире намерен устроиться на работу.

– Поваром? – удивляется он.

– Слугой.

– Слугой? Ты – слугой?! Ты?! С твоими умениями?!

– С моими умениями, – киваешь ты. – Да. Именно что слугой.

Мгновение он пораженно молчит.

– Чтобы спрятаться от магов? – наконец спрашивает он.

– И от магов тоже, – отвечаешь ты.

– Ага, – что-то соображая, кивает он. – Похоже, у тебя не очень скучная жизнь, верно?

– Скука – единственное, на что я не могу пожаловаться, – искренне сообщаем ты.

– Но ведь найдут, – мгновение подумав, говорит он. – Маги – найдут.

– Прямо сейчас – вряд ли, – усмехаешься ты. – А потом... мало ли, что может случиться потом?

– И то верно, – пожимает плечами он. – Да и что это я

вообще? Что хорошо для хозяина – вполне сойдет для его слуги!

– Звать-то тебя как, слуга? – спрашиваешь ты.

– Дестин, – ухмыляется он. – А как зовут моего уважаемого хозяина?

– Кертелин, – отвечаешь ты, и он довольно кивает. И даже умудряется изобразить на ходу что-то вроде поклона.

* * *

Трактир господина Тэйна стоит на пересечении трех широких улиц. Вероятно, именно поэтому он называется «Три белые овечки». Правда, ничего белого в самих улицах не проглядывает, а под горделиво красующимся наименованием трактира помещена вывеска, на которой никаких овечек нет и в помине, вместо них на вывеске вольготно расположились три великолепных льва, чьи роскошные и упитанные формы позволяют отчасти предположить, что такого могло стать с бедными овечками и куда они исчезли.

Перешагнуть три ступеньки и толкнуть тяжелую дубовую дверь... да уж, изрядно выпивший человек заведение господина Тэйна без помощи хозяина нипочем покинуть не сможет. У него просто сил не хватит дверь отворить.

Стоящий за стойкой человек поднимает голову и добродушно улыбается.

– Ой... – пугается Дестин. – Хозяин, ты уверен, что нам

сюда?

Короткого черного плаща нет и в помине, вместо него веселенькая желтая кожаная жилетка, под которую надета серая в зеленую крапинку рубашка, нет ни черной полумаски, ни мерцающего пояса, и все равно не узнать в этом человеке бывшего сотрудника вездесущей и почти всесильной службы попросту невозможно. Есть в его взгляде, в позе, в манере держаться что-то такое, что, единожды взглянув, ты сразу понимаешь, кто перед тобой.

Ну, положим, это тебе понятно. Ты и без того знаешь, кто он, а вот откуда Дестин это угадал? Или опять чужую мысль ненароком подслушал? Странно. Говорят же, что ни один маг, истинный там или обыкновенный, не в состоянии прочитать мысли кого-то из «Старших Братьев», высокого лорда или простолюдина – не важно. Нет уж, наверняка Дестин твою мысль на лету подхватил, срезал, как ловкий вор – чужой кошелек.

– «Старшие Братья», – одними губами шепчет Дестин, ухватив тебя за рукав. – Хозяин, ты хоть понимаешь, что делаешь?

«Я-то понимаю, а вот тебе откуда это известно?»

– Сейчас мы закажем пирог с грибами, – бесшабашно отвечаешь ты. – Говорят, что здесь он просто бесподобен.

«А пока мы будем его есть, я соберусь с мыслями и придумаю, что именно говорить господину Тэйну».

– Может ли быть что-то бесподобнее тебя, хозяин? – бур-

чит Дестин. – Наверное, это хорошо, что я с тобой связался. Сколько всего пережить успею! Пока не убьют, конечно... Вот только... почему мне так страшно?

– Не стоит пугаться пирога с грибами, – ухмыляешься ты и решительно делаешь шаг вперед. – Пироги, знаешь ли, не кусаются.

Несчастный Дестин тащится следом.

– Так, значит, пирог с грибами? – улыбается хозяин. – Отменный выбор, господа! Кстати, суп у меня тоже хорош. Да и жаркое...

– Он все слышал... – обреченно шепчет Дестин.

– Виноват, господа, – разводит руками хозяин. – Иногда мои прежние навыки страшно мешают. Увы, от них не так легко избавиться. Но вы можете совершенно меня не опасаться, господа. Уверяю вас, я давно не состою на службе и являюсь точно таким же горожанином, как и прочие. Впрочем, и сама служба далеко не так страшна, как об этом порой рассказывают невежественные и недобросовестные люди. Доказательством тому – я сам, прошедший в служении почти полжизни и тем не менее как-то уцелевший... Так что, проходите господа. Это не частный филиал «Старших Братьев», это всего лишь трактир. А пироги с грибами у меня и впрямь лучшие в столице. Чистая правда. Это даже мои конкуренты признают. Располагайтесь, а я пока распоряжусь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.